ИНЕЙ

П. СОЛОВЬЕВА
(ALLEGRO)

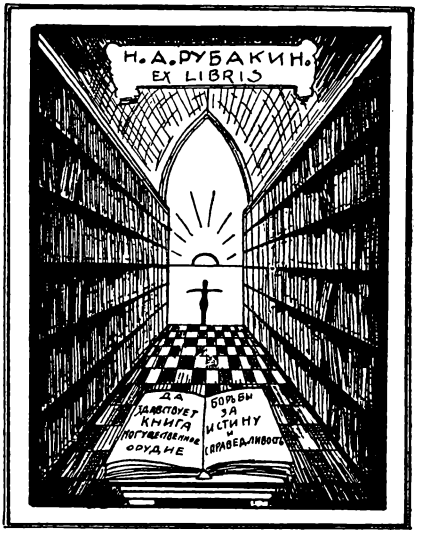
РИСУНКИ И СТИХИ.

П. Соловьева (Allegro).

ИНЕЙ

РИСУНКИ
И СТИХИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ.
1905.



Дозв. ценз. С.-Петербургъ, 23-го марта 1905 г.

Н. И. М.

ИНЕЙ.

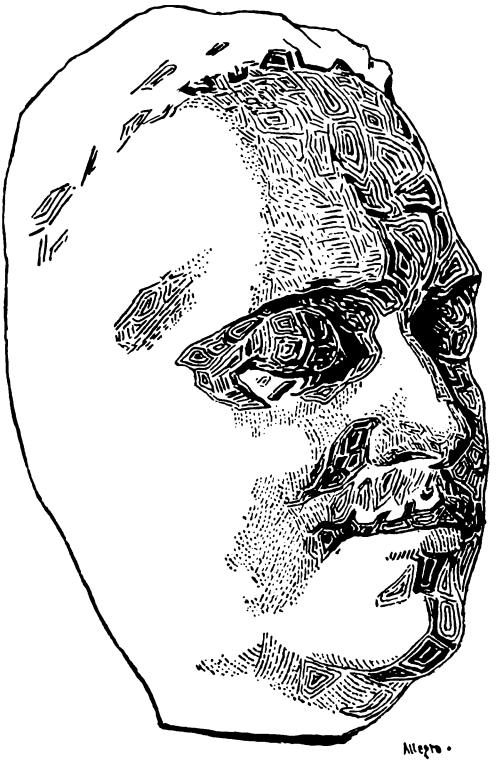
Помню, вчера надъ замерзшей землей
Сумракъ густѣлъ чернотою безбрежной,
Кто же навѣялъ ночною порой
Темному городу сонъ бѣлоснѣжный?

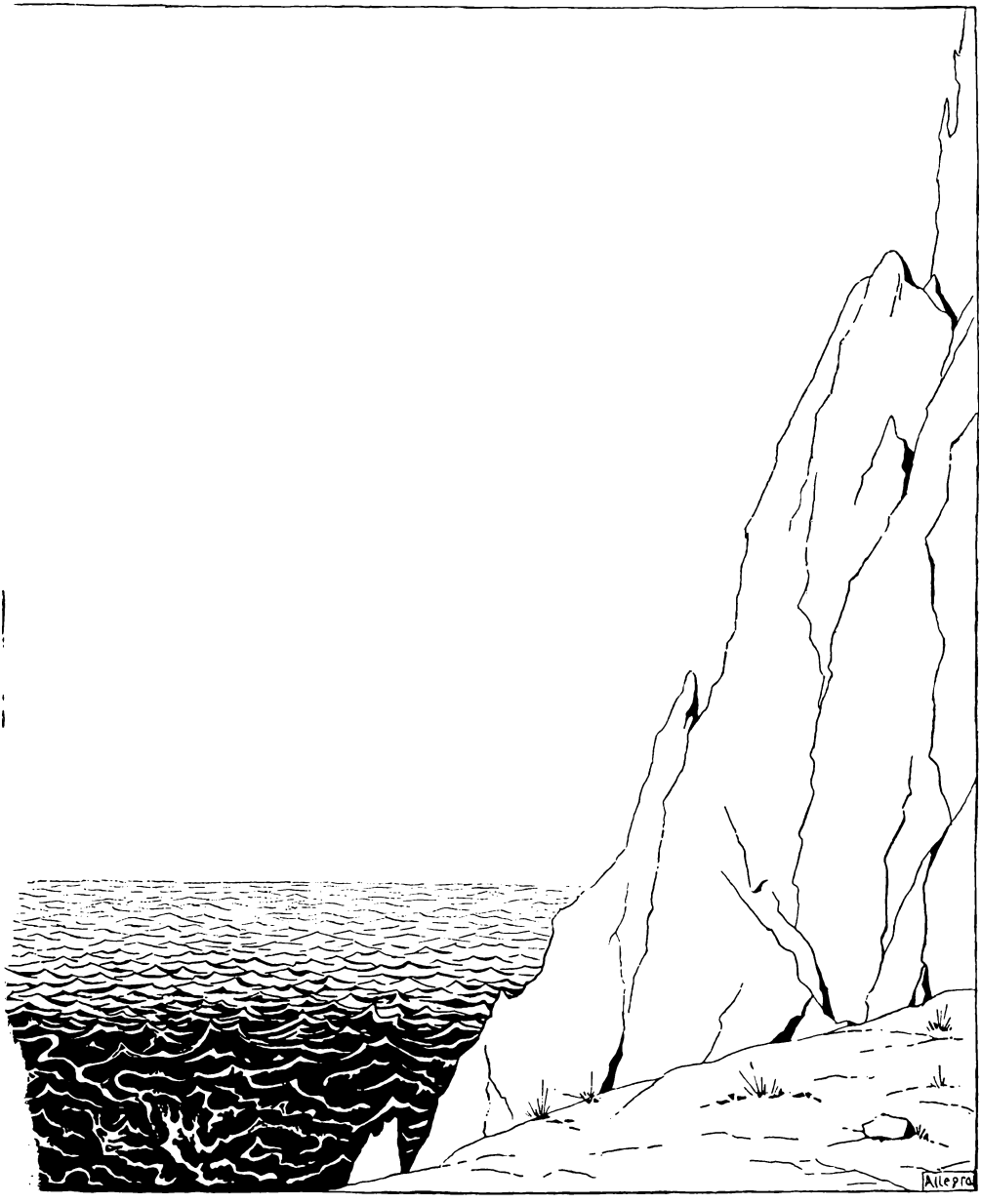
Въ сумракѣ стѣнъ, вдоль рѣшетокъ рѣзныхъ,
Кто уронилъ эту пыль кружевную,
Кто и съ камней и съ деревьевъ нагихъ
Снялъ дуновеніемъ тяжесть земную?

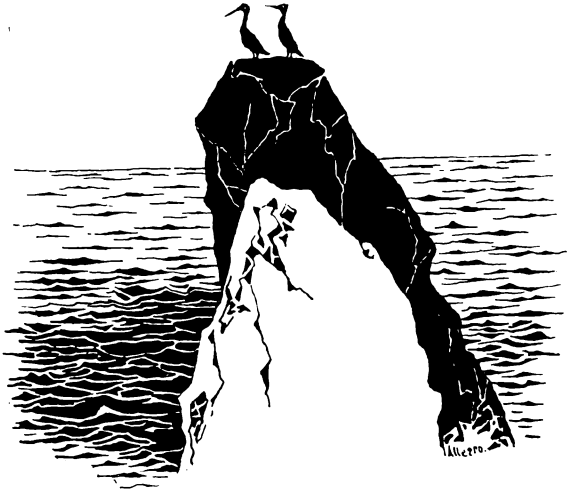
Иней въ полночи на землю слеталъ,
Иней хотѣлъ, что бы чудо свершилось,
Тихо молитву свою прошепталъ,
Слышалъ Господь—и земля измѣнилась.

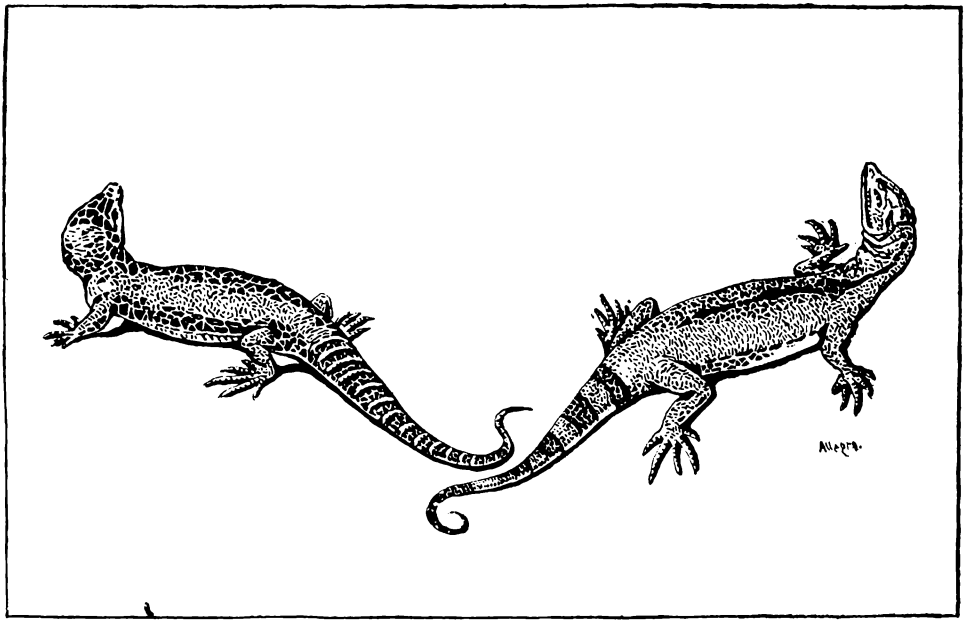
Такъ надъ моей потемнѣвшей душой
Чудо свершаетъ полетъ свой незримый,
Слышу, вздыхаетъ во тьмѣ надо мной
Свѣтлой молитвою голосъ любимый.

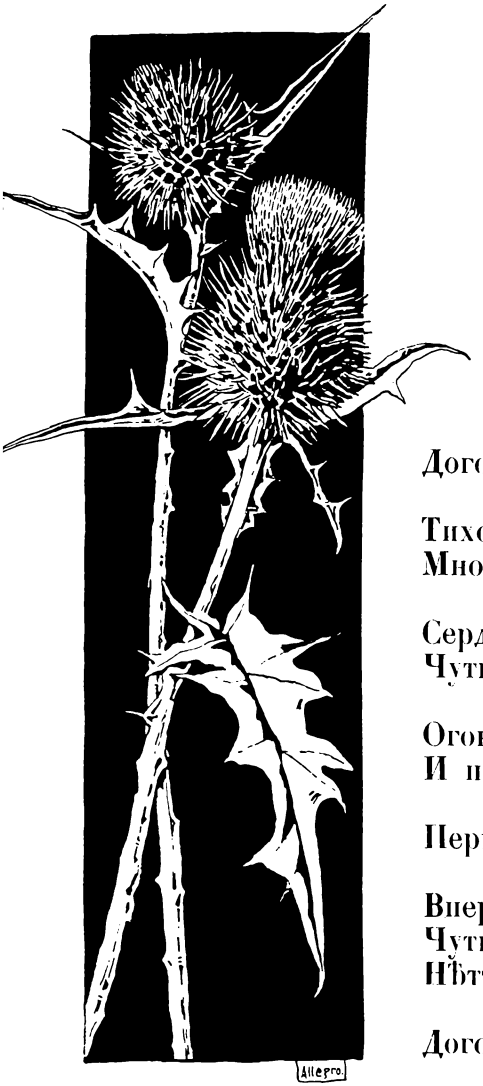
Пусть же подъ бѣлымъ сплетеньемъ вѣтвей
Путь мнѣ откроется новый и ясный,
Дымомъ серебрянымъ жизнь мнѣ овѣй,
Иней души моей, иней прекрасный!




Allepra







ВЪ СУМЕРКАХЪ.

Догорая, костеръ чуть дымится въ
травѢ,
Тихо блѢдныя тучи сползаютъ,
Много мыслей неясныхъ въ больной
головѢ,
Сердце бьется и смутно страдаетъ.
Чуть видны очертанья синѢющихъ
горъ,
Огонекъ замигалъ въ отдаленьѢ
И погасъ... Тщетно ищетъ усталый
мой взоръ
Первыхъ трепетныхъ звѢздъ по-
явленье.
Впереди непроглядная, долгая ночь,
Чуть замѢтно туманъ серебрится,
НѢтъ желанья, нѢтъ силы тоску
превозмочь...
Догорѣвшій костеръ не дымится.

День умеръ, ночь близка... извилистой каймою
Всталъ темный лѣсъ подъ гранью блѣдныхъ тучъ,
Молчитъ, поникнувъ, поле предо мною,
А воздухъ тихъ, и влаженъ, и пахучъ.

Иду какъ бы во снѣ забытомъ, но знакомомъ,
Пятномъ луна зардѣла и взошла,
Боюсь спугнуть простымъ холоднымъ словомъ,
Что эта ночь душѣ передала.

Я вѣрить не могу, что нѣтъ тебя со мною,
Быть можетъ мнѣ лишь чудится во снѣ,
Что я одинъ съ туманной тишиною,
Что ты одна въ далекой сторонѣ.

Счастья нѣтъ, есть только отраженье
Неземного въ темнотѣ земной,
Такъ сіяетъ блескъ свѣтилъ далекихъ,
Отраженный темною волной.

Брось весло, пусть волны замираютъ
Чуть замѣтно зыблясь въ тишинѣ,
И любуйся яркимъ отраженьемъ
Свѣтлыхъ звѣздъ на дремлющей волнѣ.

ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО.

(Написано на экземпляръ Божественной комедіи)

Въ вечернихъ сумеркахъ безлюдною тропою
Я шелъ, и человѣкъ явился предо мною.
Онъ въ римской тогѣ былъ, и тамъ, гдѣ меркнулъ день,
Недвижно онъ стоялъ, какъ сумрачная тѣнь.
Онъ мнѣ сказалъ: ,,Я былъ высокою горою,
,,Вершиной, съ древнихъ лѣтъ царившей надъ землею.
,,На волю, не прозрѣвъ, рвалась душа моя
,,И проходила всѣ ступени бытія.

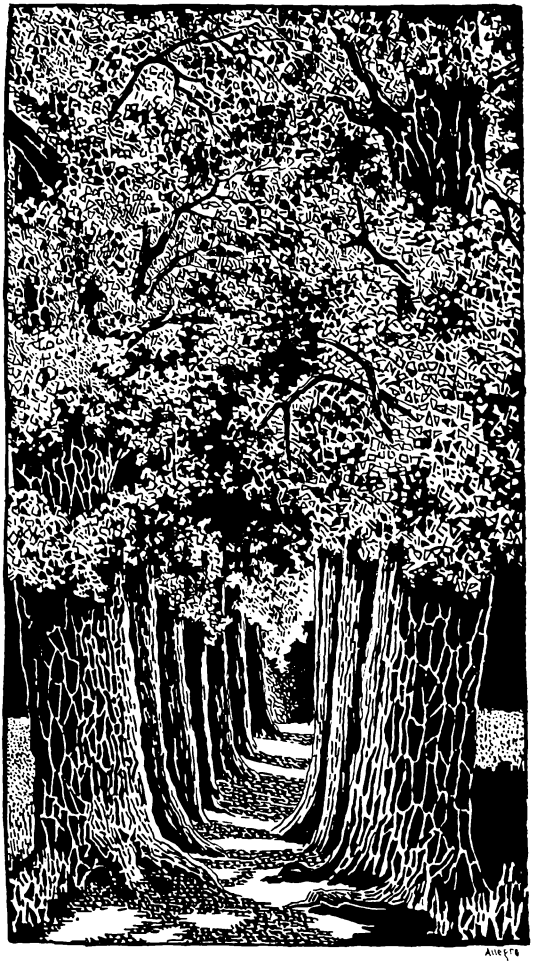
„Я мощнымъ дубомъ сталъ, вершина разстилалась,
„И съ тучею она таинственно шепталась.
„Жрецы мнѣ алтари воздвигнули отнынѣ...
„Я былъ могучимъ львомъ, мечтающимъ въ пустынѣ,
„Велъ съ ночью разговоръ въ глубокой тишинѣ...
„Теперь я человѣкъ и—Данте имя мнѣ!..“

Allegra

Вѣтеръ коснулся кустовъ обнаженныхъ,
Ночь привидѣній полна,
Слышу я лепетъ вѣтвей пробужденныхъ:
— Гдѣ же весна?

Слѣдъ не чернѣетъ отъ влажныхъ тропинокъ
Все замираетъ во снѣ,
Только чуть слышится шелестъ снѣжинокъ
Въ злой тишинѣ.

Небо мерещится мутнымъ покровомъ,
Ночь привидѣній полна...
Кто разбудилъ насъ ликующимъ словомъ?
Гдѣ же весна?..



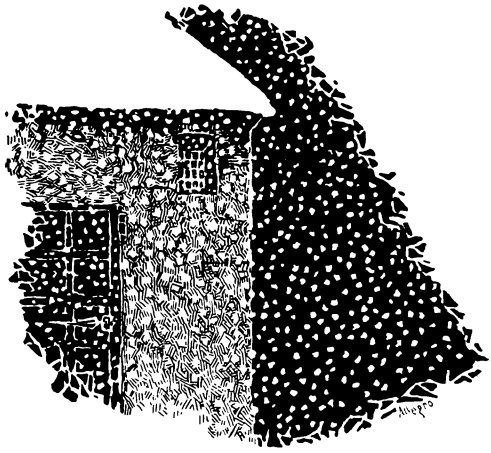
ВЪ СКЛЕПѢ.

Весенній солнца лучъ сквозь низкое окно
Скользнулъ въ угрюмый мракъ нѣмого подземелья,
И на холодный полъ горячее пятно
Онъ бросилъ, какъ призывъ забытаго веселья.

Улыбкой блѣдною отвѣтили кресты,
Померкшимъ серебромъ бѣлѣя на покровахъ,
Вѣнковъ увядшіе, истлѣвшіе листы
Почуяли сквозь сонъ дыханье рощъ лавровыхъ.

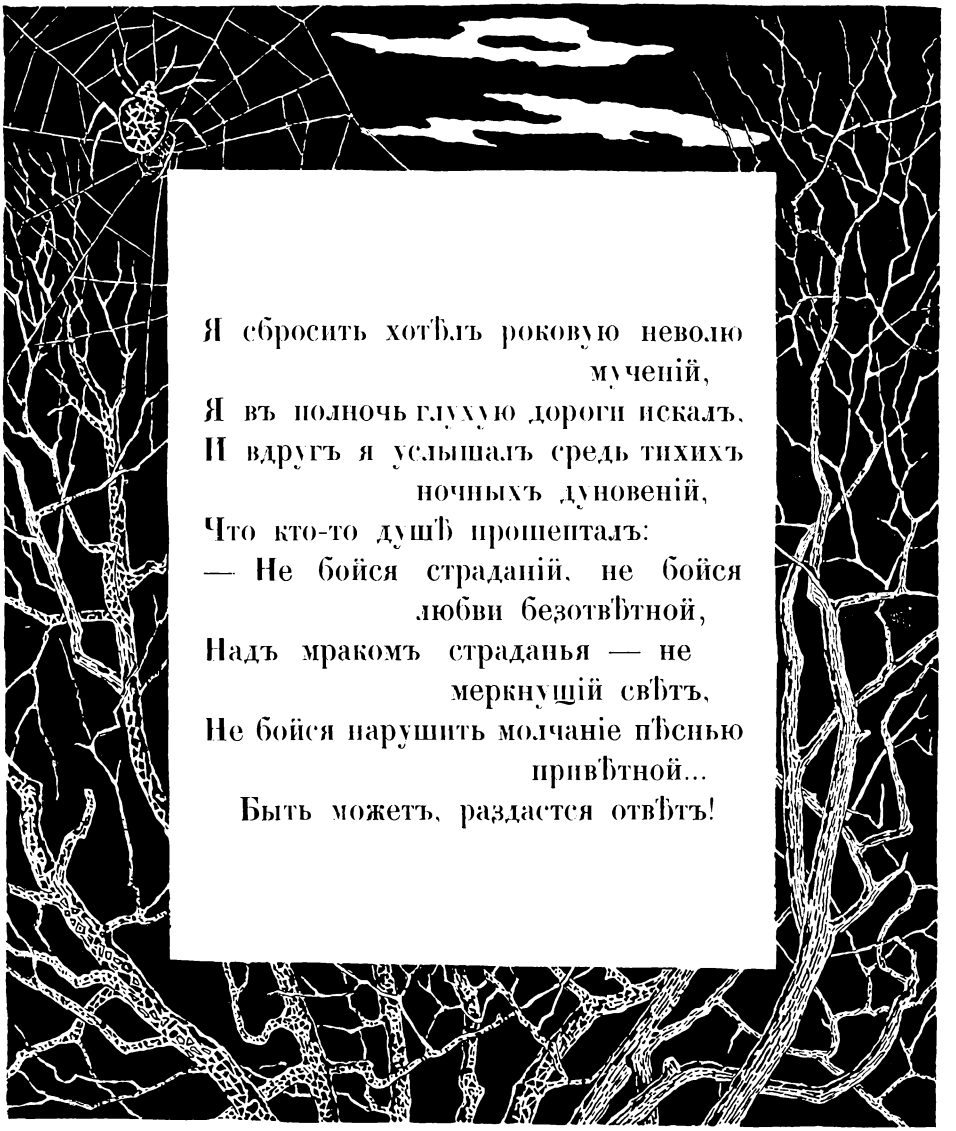
Пріотворилась дверь... съ порывомъ вѣтерка
Привѣтъ весны слетѣлъ на тихія могилы,
И чья-то нѣжная и тонкая рука
Весенніе цвѣты на камень положила.

И снова стихло все, но яркіе цвѣты
Въ холодномъ сумракѣ нѣжнѣй благоухали,
Какъ позабытыя, но вѣчныя мечты,
И мертвымъ о любви и радости шептали.



СМЕРТИ.

Ты долго-долго на меня
Смотрѣла блѣдными очами
Въ ту ночь безъ звѣздъ и безъ огня;
Но лишь разсвѣтными лучами
Чуть улыбнулся небосклонъ,
Ты крылья тихо развернула,
Неуловимая, какъ сонъ,
И въ тихомъ свѣтѣ потонула.
Тебя я долго забывалъ,
Безумьемъ жизни увлеченный,
Но вотъ недугъ мнѣ сердце сжалъ,
И я поникнулъ, утомленный.
Все спитъ въ душевной глубинѣ:
Желанья, радость и мученье,
И вновь я чую въ тишинѣ
Прохладныхъ крылъ прикосновенье.



Я сбросить хотѣлъ роковую неволю
мученій,
Я въ полночь глухую дороги искалъ.
И вдругъ я услышалъ средь тихихъ
ночныхъ дуновеній,
Что кто-то душѣ прошепталъ:
— Не бойся страданій, не бойся
любви безотвѣтной,
Надъ мракомъ страданья — не
меркнущій свѣтъ,
Не бойся нарушить молчаніе пѣснью
привѣтной...
Быть можетъ, раздастся отвѣтъ!

Легкій вѣтеръ ночной
Шелестѣлъ надо мной
И тихонько, чуть слышно шепталъ:
— Бѣдный, бѣдный мой братъ!
Ты печалью объятъ,
Я тебя среди тьмы угадалъ.
Я во мракѣ рожденъ,
И, какъ ты, осужденъ
Проблуждать средь тумановъ и сновъ,
Тихо пѣсню пропѣть
И съ зарей умереть,
Не узнавъ ни лучей, ни цвѣтовъ.
И меня уже нѣтъ,
Когда солнца привѣтъ
Засіяетъ на дальней горѣ...
Но утѣшься, мой братъ,
Смерти будешь ты радъ:
Хорошо умирать на зарѣ!..

Молчатъ въ отвѣтъ зарѣ прощальной
Опустошенные луга,
И лишь громадою печальной
Темнѣютъ тяжкіе стога.
А помню зной, и травъ дыханья,
И все цвѣты кругомъ, цвѣты...
И, какъ цвѣты, воспоминанья
Киваютъ мнѣ... Средь темноты
Иду, унылая дорога,
Недвижны крылья облаковъ,
А тамъ, въ нѣмой громадѣ стога,
Тьмы бездыханныя цвѣтовъ.

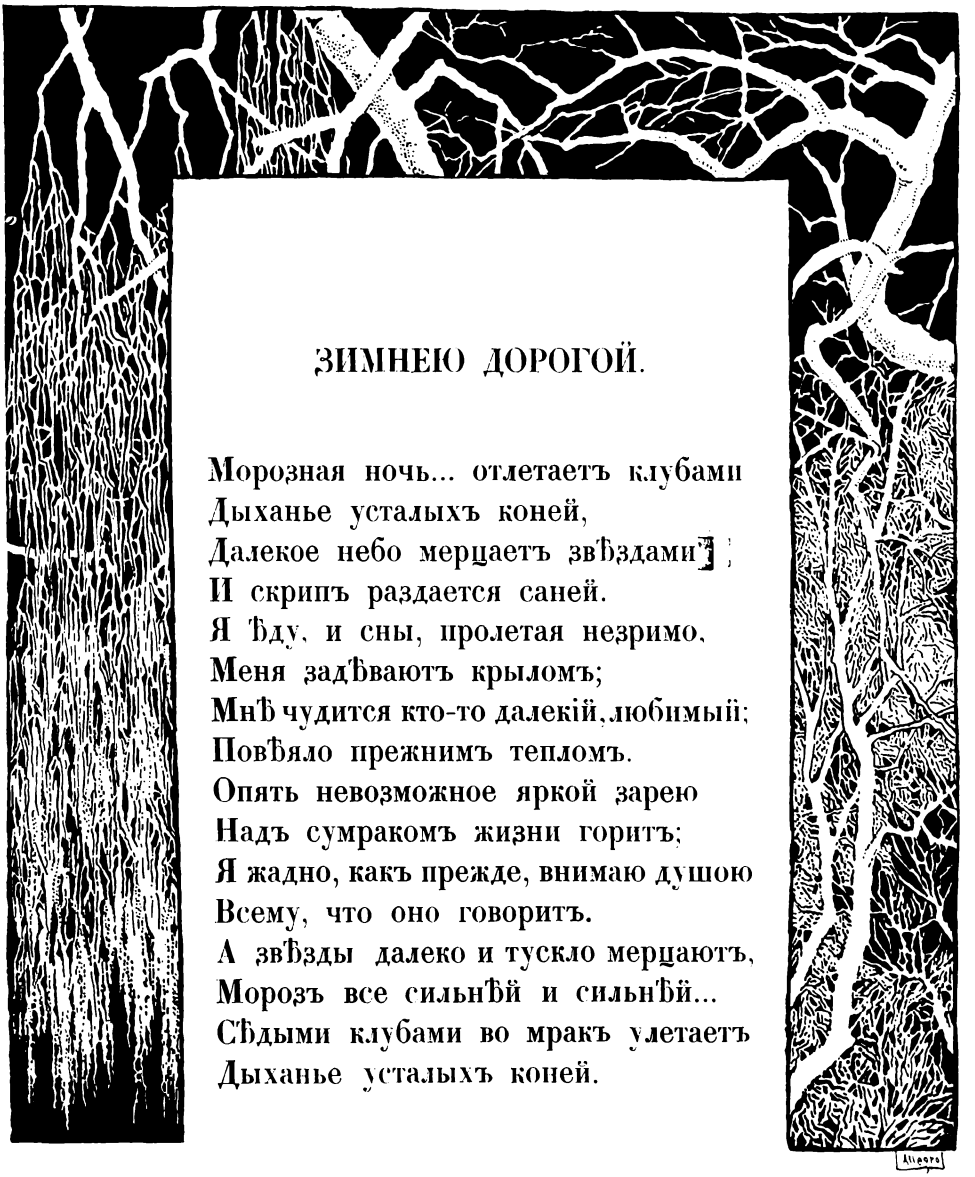
КОЛОКОЛЬЧИКЪ.

По дорогѣ взлетая, разносится пыль;
Даль синѣетъ и солнце печетъ;
Колокольчикъ лепечетъ мнѣ старую быль,
Замолкаетъ и снова поетъ.

Но мнѣ слышится въ лепетѣ свѣтломъ порой
Непонятный, таинственный стонъ,
Прогудитъ и замретъ, и опять подъ дугой
Залепечетъ ребяческій звонъ.

Пролетая, колосья задѣлъ вѣтерокъ,
И они поклонились ему...
Поскорѣй, поскорѣй бы! ужъ путь недалекъ,
И недолго мнѣ быть одному.

Я впередъ улетаю горячей мечтой,
Свѣтлой радостью я окрыленъ...
Ахъ, зачѣмъ же опять загудѣлъ подъ дугой
Непонятный, таинственный стонъ?

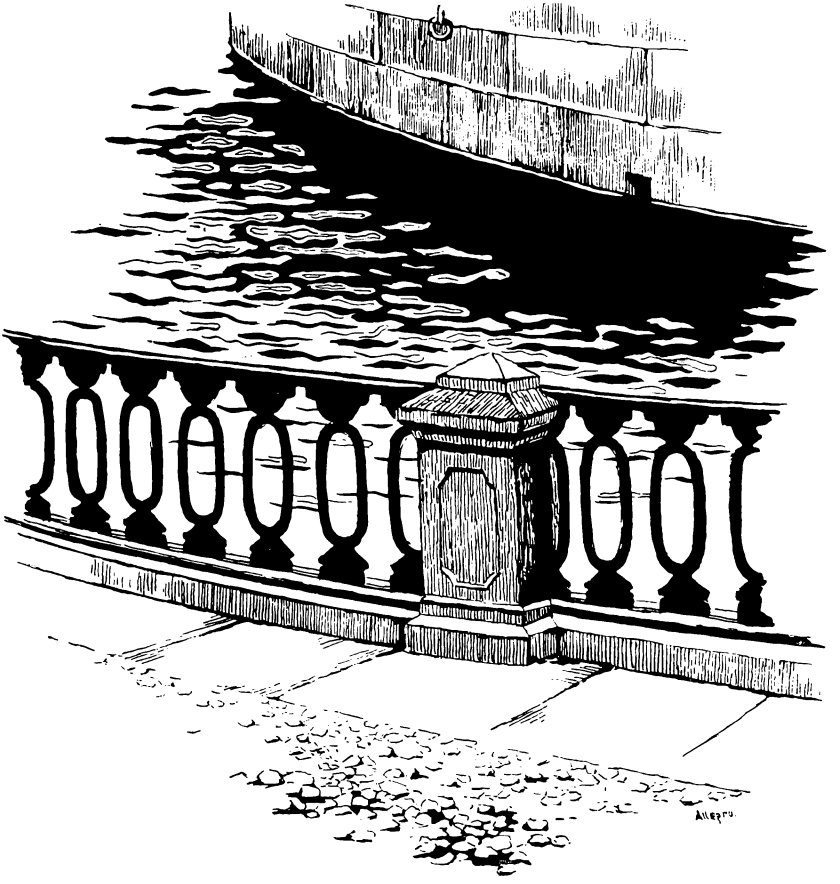


ЗИМНЕЮ ДОРОГОЙ.

Морозная ночь... отлетаетъ клубами
Дыханье усталыхъ коней,
Далекое небо мерцаетъ звѣздами;
И скрипъ раздается саней.
Я ѣду, и сны, пролетая незримо,
Меня задѣваютъ крыломъ;
Мнѣ чудится кто-то далекій, любимый;
Повѣяло прежнимъ тепломъ.
Опять невозможное яркой зарею
Надъ сумракомъ жизни горитъ;
Я жадно, какъ прежде, внимаю душою
Всему, что оно говоритъ.
А звѣзды далеко и тускло мерцаютъ,
Морозъ все сильнѣй и сильнѣй...
Сѣдыми клубами во мракъ улетаетъ
Дыханье усталыхъ коней.

Въ окно глядится сумракъ пред-
разсвѣтный,
Чернѣетъ садъ угрюмою стѣной,
Унылый часъ, холодный, непри-
вѣтный,
Какъ привидѣніе, проходитъ надъ
землей.

Душа полна тревогою больною,
Усталая склонилась голова,
А синій сумракъ шепчетъ надо
мною
Послѣднихъ сновъ неясныя слова...



ПЕТЕРБУРГЪ.

Городъ тумановъ и сновъ
Встаетъ предо мною
Съ громадой неясною
Тяжкихъ домовъ,
Съ цѣпью дворцовъ,
Отраженныхъ холодной Невою.
Жизнь торопливо бредетъ
Здѣсь къ цѣли незримой...
Я узнаю тебя съ прежней тоской,
Городъ больной,
Неласковый городъ любимый!
Ты меня мучишь, какъ сонъ,
Вопросомъ несмѣлымъ...
Ночь, но мерцаетъ зарей небосклонъ...
Ты весь побѣжденъ
Сумракомъ бѣлымъ.

ОДУВАНЧИКИ.

Еще вчера, среди травы сверкая,
Меня встрѣчали вы улыбкой золотой,
Какая жъ скорбь короткой ночью Мая
Сумѣла васъ одѣть мгновенной сѣдиной?..
Вся ваша жизнь была одно мгновенье,
Но вы слова весны умѣли прошептать,
И съ вѣтеркомъ, какъ легкое видѣнье,
Теперь не страшно вамъ навѣки улетать.

Aleppo

НЕИЗБѢЖНОЕ.

Печальной, безбрежной равниной
Я шелъ, утомленный,
И вздрогнулъ внезапно, и поднялъ
Я взоръ изумленный:
Вдали, гдѣ сливались съ землею
Неясныя тучи,
Мнѣ чей-то почудился образъ.
Угрюмый, могучій,
Стоялъ онъ, скрестивъ неподвижно
Тяжелыя руки,
И солнце надъ нимъ не сіяло,
И замерли звуки.
Глядѣлъ онъ впередъ предъ собою
Невидящимъ взоромъ,
Молчалъ, и молчанье казалось
Нѣмымъ приговоромъ.
Въ груди моей сердце забилось
Тоскливой тревогой.

И быстро шаги я направилъ
Иною дорогой.
Но тамъ, гдѣ лѣса поднимались
Туманной стѣною,
Все тотъ же невѣдомый образъ
Стоялъ предо мною.
Напрасно ищу я спасенья
И свѣтлой свободы,—
Подъ тягостной властью проходятъ
Унылые годы.
Куда ни пойду я усталый
Дорогой земною,
Вездѣ онъ стоитъ безпощадный.
Стоитъ предо мною.

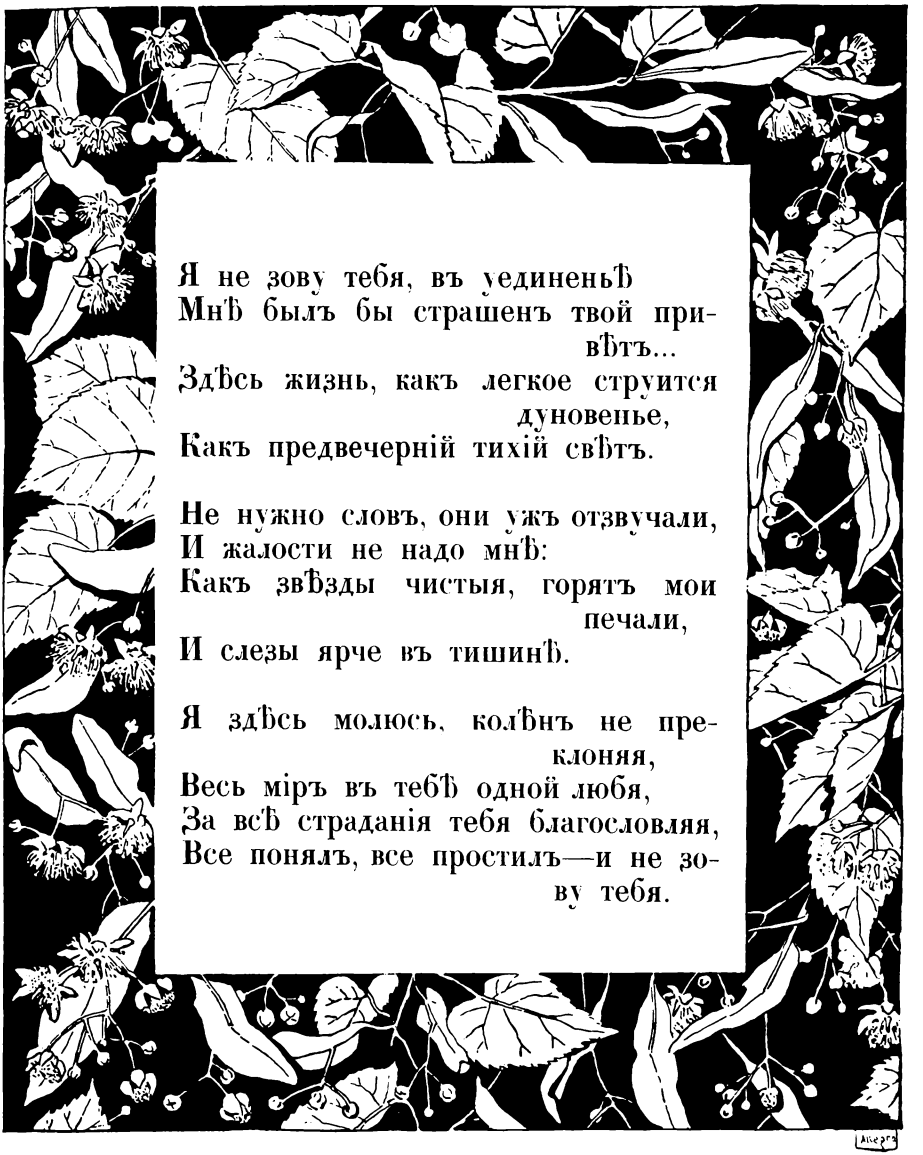
ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ.

Вчера такъ медленно ты въ небѣ умирала,
Сверкая золотомъ, такъ улыбалась мнѣ
И столько радости и свѣта обѣщала,
Что я всю ночь мечталъ о новомъ, ясномъ днѣ.

Но этотъ день насталъ унылый и туманный.
Повѣсивъ въ воздухѣ дождя сѣдую сѣть,
Онъ душу тяготитъ, какъ злой пришлецъ нежданный,
Съ которымъ трудно жить и страшно умереть.

Скажи, зачѣмъ же ты такъ много мнѣ сулила,
Тамъ, за деревьями, до полночи горя,
И золотомъ обѣтъ несбыточный чертила,
Моя прекрасная, невѣрная заря!

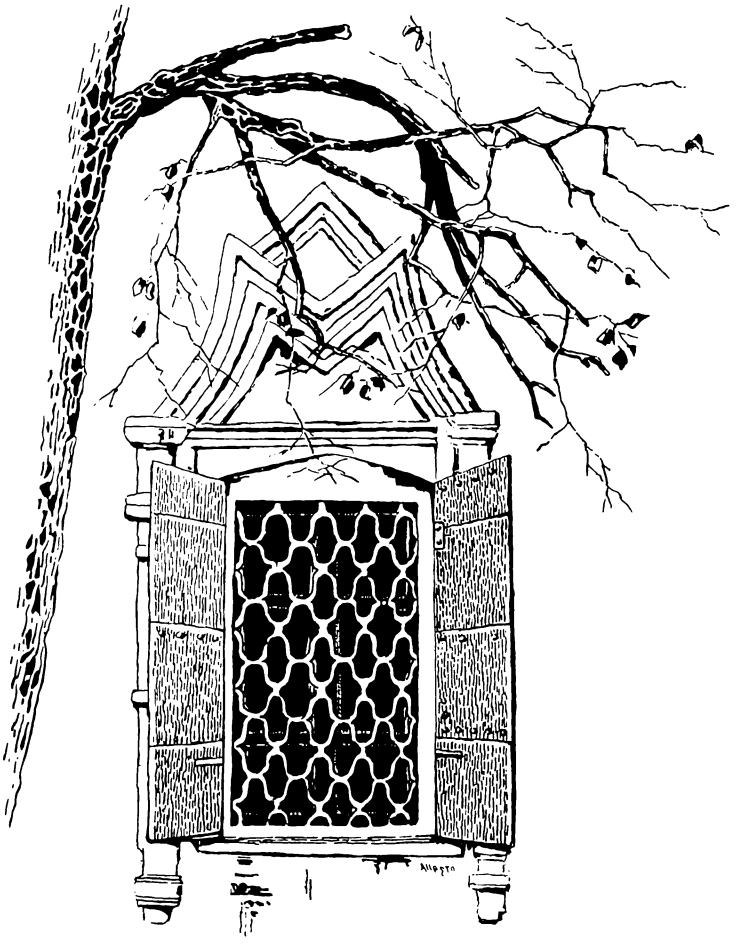
Но на тебя роптать не стану, золотая,
Обманъ твой, ясная, по прежнему люблю
И, сердцемъ о твоихъ обѣтахъ вспоминая,
За ложь прекрасную тебя благословлю.



Я не зову тебя, въ уединеньѣ
Мнѣ былъ бы страшенъ твой при-
вѣтъ...
Здѣсь жизнь, какъ легкое струится
дуновенье,
Какъ предвечерній тихій свѣтъ.

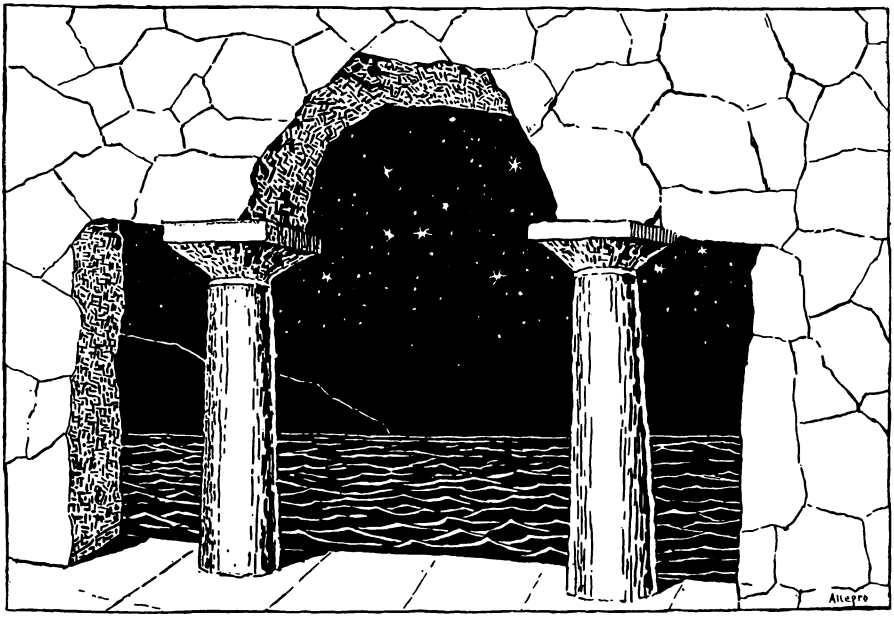
Не нужно словъ, они ужъ отзвучали,
И жалости не надо мнѣ:
Какъ звѣзды чистыя, горятъ мои
печали,
И слезы ярче въ тишинѣ.

Я здѣсь молюсь, колѣнъ не пре-
клоняя,
Весь міръ въ тебѣ одной любя,
За всѣ страданія тебя благословляя,
Все понялъ, все простилъ—и не зо-
ву тебя.



ОСЕНЬЮ.

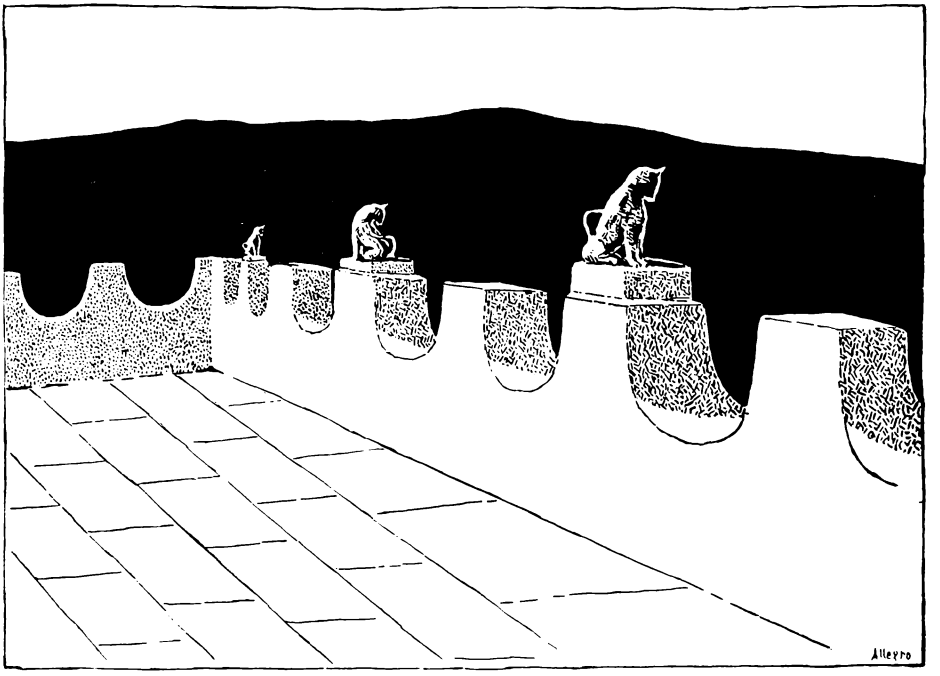
Сморщилась и сыплется
Смуглая рябина,
Липнетъ и разносится
Вѣтромъ паутина.
Дни такіе робкіе
Передъ ночью властной.
Зори прячутъ золото
Въ полутьмѣ ненастной.
Все такое тихое,
Смерти злой покорное,
Все такое жалкое,
Слабое и черное...
Только ты единственный,
Больше всѣхъ страдающій,
Больше всѣхъ измученный
И весны не чающій,—
Не смежаешь осенью
Ты глаза усталые,
Въ нихъ мерцаютъ помыслы,
Какъ зарницы алыя,
И душѣ, сжигаемой
Вѣрой и сомнѣніемъ,
Смертный сонъ является
Огненнымъ видѣніемъ.

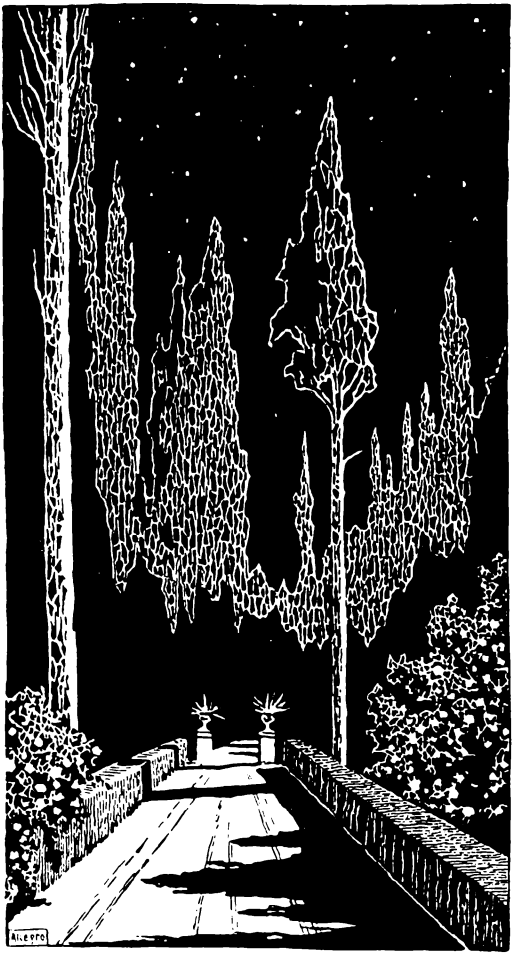


СЛОВА.

Поютъ пѣвцы... Напѣвъ, подъ сводомъ разливаясь,
То радостью кипитъ, то переходитъ въ стонъ.
Не слушая его и въ думу погружаясь,
Лежитъ недвижимо и мрачно Соломонъ.
Окончивъ пѣснь, пѣвцы передъ царемъ склонились
И пестрою толпой замолкшихъ птицъ ушли;
А благовонія сильнѣе задымились
И мутной сѣдиной подъ своды поползли.
И снова тишина съ безмолвною тоскою,
Какъ воры, пробрались въ дыму, среди столбовъ,
И подошли къ царю невидимой четою.
Онъ долго слушалъ рѣчь, понятную безъ словъ,
Потомъ вдругъ подалъ знакъ, и поступью покорной
Поспѣшно рабъ вошелъ, склонился до земли

И, свитокъ развернувъ, тростинкою проворной
Онъ сталъ чертить... Слова изъ царскихъ устъ текли,
Какъ благовонія струятся изъ кадила,
Какъ выступаетъ медъ на лепесткахъ цвѣтовъ,
И неустанная рука раба чертила
Ряды сплетавшихся, безсмертныхъ вѣщихъ словъ.
„Одно вслѣдъ за другимъ проходятъ поколѣнья,
„И день смѣняетъ ночь, и тьму смѣняетъ свѣтъ,
„Глупцу и мудрому одна судьба—забвенье...
„Все въ мірѣ суета и суета суетъ.
„Я видѣлъ это все, и мертвыхъ, погребенныхъ
„Почелъ счастливѣй тѣхъ, кто видитъ и живетъ,
„А всѣхъ блаженнѣе—не бывшихъ, не рожденныхъ.
„Не вѣдавшихъ всего, что эта жизнь даетъ...
„Внемлите! День насталъ и ратники слабѣютъ,
„И стерегущіе дрожа бѣгутъ назадъ,
„И тучи тяжкія огнемъ и бурей вѣютъ
„И цѣпи порваны, и меркнетъ свѣтъ лампадъ...
„Къ нимъ ужасы глядятъ на темную дорогу
„Высоты имъ страшны, и дверь ихъ заперта...
„Прахъ предадутъ землѣ, а духъ вернется къ Богу...
„Все суета суетъ, все въ мірѣ суета...“
Звучала рѣчь царя то быстро, то протяжно;
Онъ смуглою рукой по воздуху водилъ;
А рабъ, нахмуривши чело, тростинкой влажной,
Склонясь къ папирусу, безъ устали чертилъ.
И думалъ бѣдный рабъ: „онъ понялъ все, онъ знаетъ,
„Что жизнь лишь только тлѣнъ, что смысла въ жизни нѣтъ;
„Зачѣмъ же онъ сынамъ въ наслѣдье оставляетъ
„Слова—все тотъ же прахъ и суету суетъ!
„Зачѣмъ же рѣчь его сверкающей рѣкою
„Струится, и душа восторгомъ залита?..“
Рабъ думалъ—и чертилъ послушною рукою:
„Все суета суетъ, все въ мірѣ суета!..“

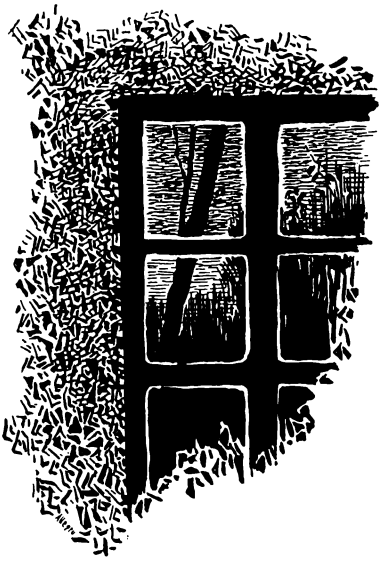

Allegro



Вчера такъ ярко мѣсяцъ новый
Сверкнулъ мнѣ съ правой стороны,
И улыбнулся путь суровый,
И ночи больше не страшны.

Нѣтъ, я не тщетно жду отвѣта,
И жизнь кругомъ не такъ темна,
Когда роняетъ пятна свѣта
Полночный мѣсяцъ у окна.

Отвѣтъ небесъ земной неволѣ
И небесамъ отвѣтъ земной:
Отъ рамы тѣнь на лунномъ полѣ
Крестомъ лежитъ передо мной.

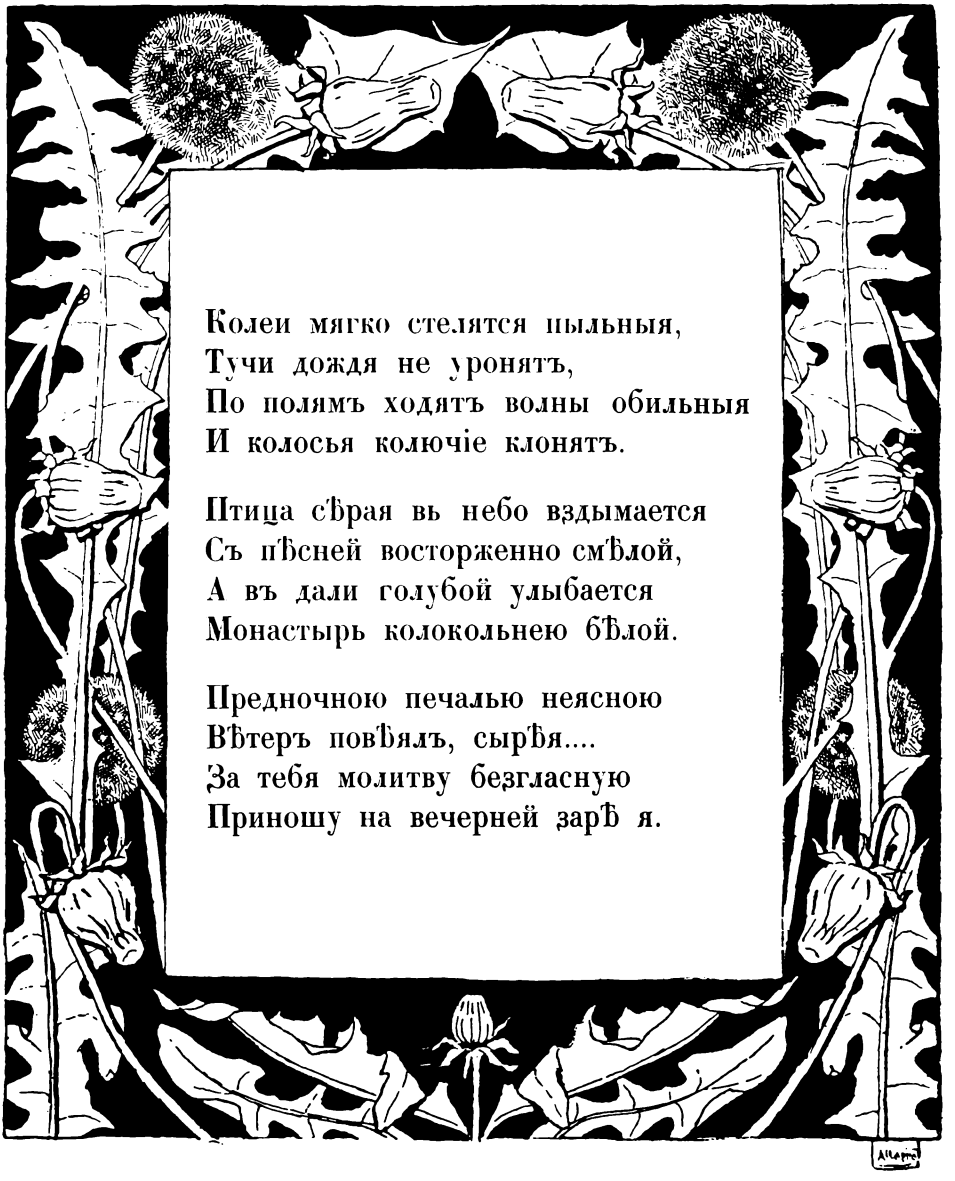


БЕЗСОНИЦА.

Сердца стукъ гонитъ сонъ... Мутно-черныя крылья раскрывъ,
Ночь повисла надъ міромъ, какъ злая, летучая мышь...
Дрогнулъ колоколъ, золотомъ звона зарю возвѣстивъ,
Мысли зыблятся тихо, какъ тронутый вѣтромъ камышъ.

Сердца стукъ, бой часовъ... Я безвластно, глубоко одинъ;
Сны пугливо снуютъ, разбѣгаясь по темнымъ угламъ,
На просвѣтѣ окна выступаютъ узоры гардинъ,
Это ночь поблѣднѣла на встрѣчу разсвѣтнымъ лучамъ.

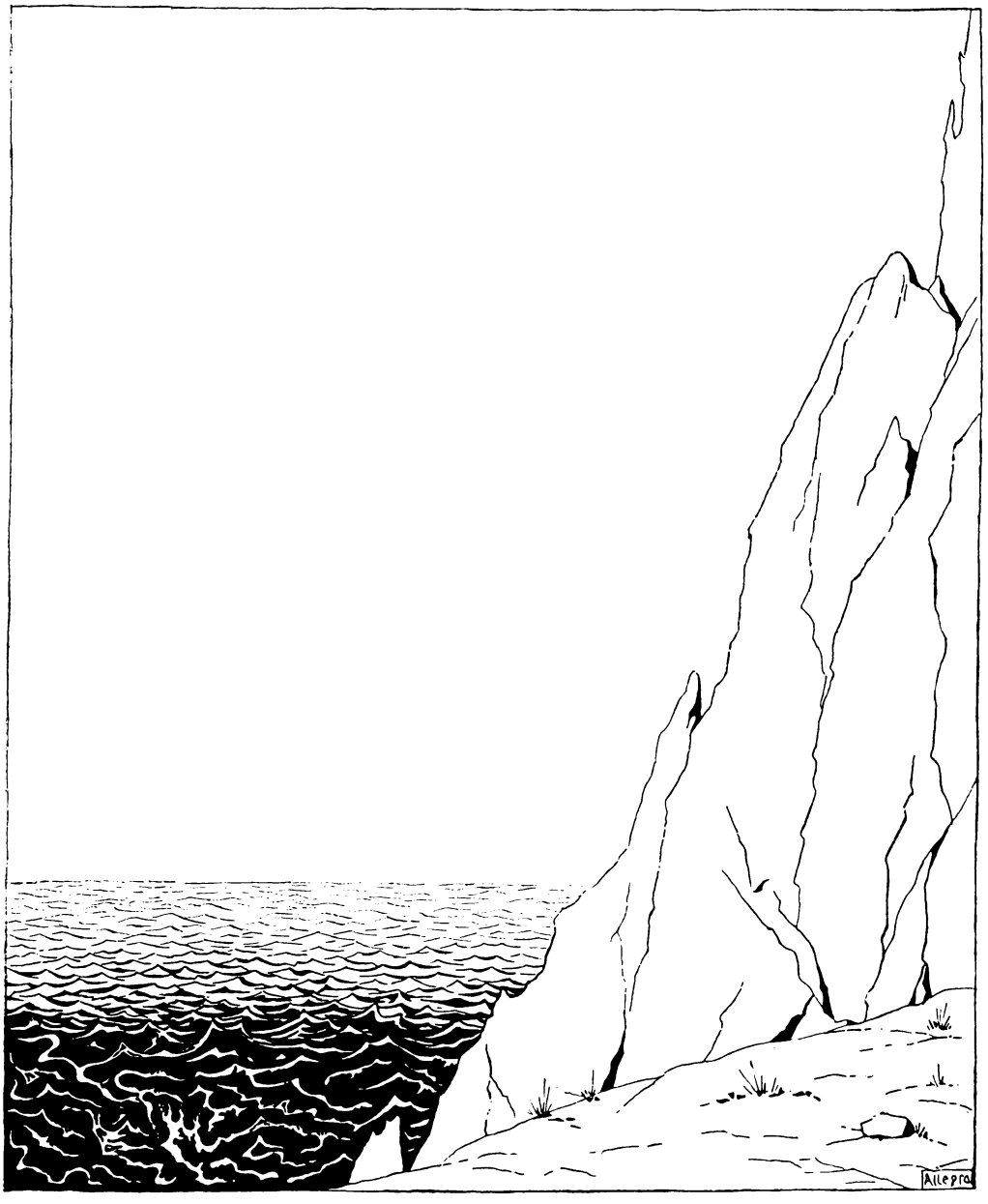
Я усталъ, но въ душѣ, какъ на небѣ, свѣтлѣй и свѣтлѣй,
Тьма уходитъ, дрожитъ... Не безрадостенъ путь впереди...
Тихій свѣтъ Свой, Господь, въ мое сердце больное пролей,
Я спасенія жду... Приходи, юный день, приходи!



Колеи мягко стелятся пыльныя,
Тучи дождя не уронятъ,
По полямъ ходятъ волны обильныя
И колосья колючіе клонятъ.

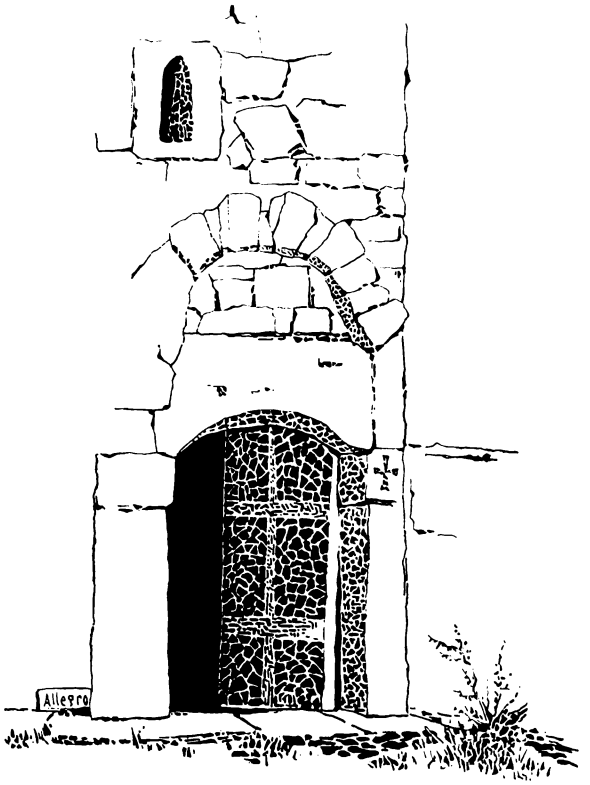
Птица сѣрая въ небо вздымается
Съ пѣсней восторженно смѣлой,
А въ дали голубой улыбается
Монастырь колокольнею бѣлой.

Предночною печалью неясною
Вѣтеръ повѣялъ, сырѣя....
За тебя молитву безгласную
Приношу на вечерней зарѣ я.


Allepra

Мы пѣли солнцу въ былые годы,
Мы поклонялись его огню,
Отъ ночи темной, отъ непогоды
Прося защиты, мы пѣли дню.

Теперь поемъ мы во славу бури,
Вѣнки сплетаемъ во славу тьмы:
За бурей ярче восторгъ лазури,
И дня безъ ночи—не знаемъ мы.



Еще вчера весь день подъ окнами въ каналѣ
Дышала, какъ больной, тяжелая вода,—
Морозъ пришелъ въ ночи, взглянулъ—и воды стали,
И отъ движенья нѣтъ слѣда.

Но что творится тамъ, подъ ледянымъ налетомъ?
Не смерти-ль это сонъ въ холодно-мутной мглѣ?
Нѣтъ, терпѣливо жди, за солнцеповоротомъ
Ждетъ воскресенье на землѣ.

Я пришелъ не за тѣмъ, чтобъ тебя упрекать
Я въ поляхъ растерялъ всѣ упреки:
Васильки меня стали во ржи окликать,
Низко кланялся колосъ высокій.
Позабылъ я весь гнѣвъ свой больной...
Рожь кругомъ расходилась волной,
Какъ вода отъ движенья весла,
И всю злобу мою—унесла!..

КЪ НОЧИ.

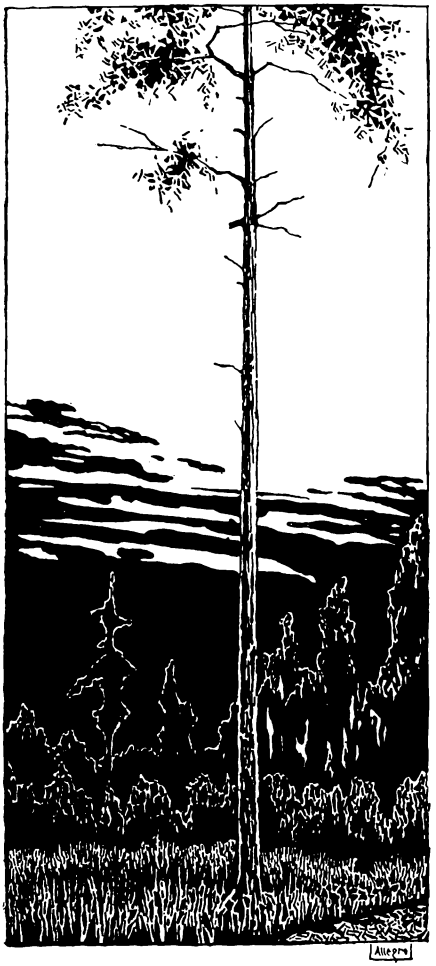
Вечеръ сумраченъ и страшенъ,
Ночь беззвѣздная близка.
Какъ уступы тяжкихъ башенъ,
Взгромоздились облака.
Гулокъ моря шумъ усталый...
Тамъ, надъ сизою горой,
Словно кровью темно-алой,
Воздухъ зыблется сырой.
Все слышнѣй во мракѣ зоркомъ
Чьи-то вздохи и слова;
Дыбомъ встала надъ пригоркомъ
Въ страхѣ черная трава.

Я иду прибрежьемъ голымъ,
Свѣтлый отдыхъ такъ далекъ,
Леденитъ стопы тяжелымъ,
Мертвымъ холодомъ песокъ.
И къ померкнувшимъ долинамъ
Неотвязно вслѣдъ за мной
Съ тихимъ шорохомъ змѣинымъ
Ужасъ крадется ночной.

Чѣмъ печальнѣй и чѣмъ безнадежнѣе
Одиночества тусклые дни,
Тѣмъ все ярче забытое прежнее
Зажигаетъ въ туманѣ огни.

Позади, сквозь сіянье вечернее,
Мнѣ пройденную видно межу.
Все спокойнѣй и все легковѣрнѣе
Я на будущій путь свой гляжу.

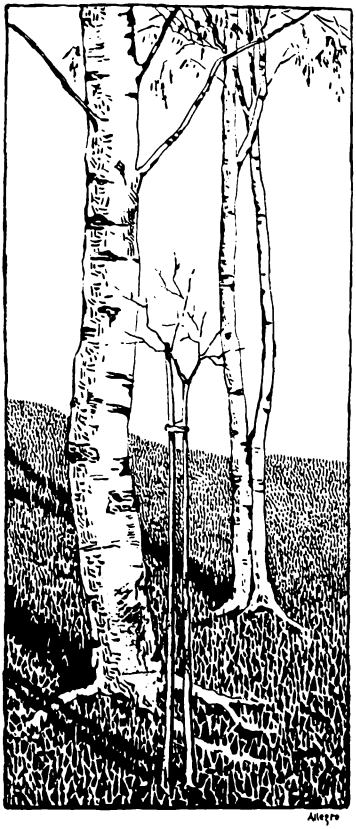
Оттого сердцемъ, жизнію раненымъ,
Мнѣ умершихъ мгновеній не жаль,
Что въ быломъ, какъ въ стеклѣ затуманенномъ,
Отразилась грядущая даль.



Въ мертвый часъ душевной лѣни
Мысли тускнутъ, замеревъ,
И скользятъ къ землѣ, какъ тѣни,
Вѣтромъ сломленныхъ деревъ.
А забытыя мученья
Выплываютъ все смѣлѣй,
Словно въ морѣ привидѣнья
Утонувшихъ кораблей.

На бѣломъ камнѣ ангелъ бѣлый
Сидѣлъ въ сіяніи зари.
Въ сомнѣньи, поступью несмѣлой
Шли за Женою рыбари.
У входа узкаго гробницы
Впился имъ въ душу свѣтлый страхъ:
Пустыя складки плащаницы,
Упавъ, бѣлѣли на камняхъ...

И мы за ними на разсвѣтѣ
Шли, но не смѣли подойти.
Какъ перепуганныя дѣти,
Мы затерялись на пути
И ждемъ, въ тѣни сѣдой маслины,
Душою, жаждущей чудесъ,
Услышать голосъ Магдалины:
„Спѣшите, братья, Онъ воскресъ!..“



ЕЛКА.

Ты не даромъ выростала
Въ тихомъ сумракѣ лѣсномъ
И съ молитвой поднимала
Вѣтви стройныя крестомъ.

Строгой зеленью одѣта,
Свой нарядъ всегда храня,
Съ вѣрой ты ждала разсвѣта
Уготованнаго дня.

Внялъ Господь твоимъ желаньямъ
И пришла твоя пора,
Ты упала съ содроганьемъ
Подъ желѣзомъ топора.

И, внимая пѣснямъ рая,
Свѣтомъ яркимъ облита,
Прославляешь, умирая,
Въ міръ грядущаго Христа.

Незамѣтно въ окно заглянула луна
И, бросая холодный таинственный
свѣтъ
Вновь на темномъ полу начертила
она
На забытый вопросъ непонятный
отвѣтъ.

Я хочу разобрать этотъ блѣдный
узоръ,
Непонятные знаки прочесть я хочу,
Что бъ огонь не привлекъ мой то-
скующій взоръ,
Нагорѣвшую я задуваю свѣчу.

Встали тѣни кругомъ, шевельнулись
толпой
Всѣ неясныя чувства, мгновенія, сны,
И я вновь имъ невольно внимаю съ
тоской,
Отдаваясь таинственной власти луны.

ВЕСНОЙ.

Вишни въ цвѣту, словно въ инеѣ...
Мертвые листья тревожа,
Встали цвѣты блѣдно-синіе
Съ влажнаго темнаго ложа.

Тайны свершаются вешнія,
Смерти стираются тѣни,
Розовымъ цвѣтомъ черешни я
Въ домъ твой украсилъ ступени.

Жду... словно бабочка сонная,
Крылья души безъ движенья,
Но съ тишиной свѣтлозвонною
Близится дрожь пробужденья.

Выйди!.. Мгновенія вешнія
Стерли вчерашнія тѣни...
Розовымъ цвѣтомъ черешни я
Въ домъ твой украсилъ ступени.

Помнишь, мы надъ тихою рѣкою
Въ ранній часъ шли дѣтскою четой,
Я—съ моею огненной тоскою,
Ты—съ твоею бѣлою мечтой.
И вездѣ, гдѣ взоръ мой замедлялся,
И вездѣ, куда глядѣла ты,
Міръ, огнемъ сверкая, загорался,
Вырастали бѣлые цвѣты.
Люди шли, рождались, умирали,
Ихъ пути намъ были далеки,
Мы, склонясь надъ берегомъ, внимали
Тихимъ сказкамъ медленной рѣки.
Если тьма дышала надъ рѣкою,
Мы боролись съ злою темнотой:
Я—моею огненной тоскою,
Ты—своею бѣлою мечтой.
И теперь, когда проходятъ годы,
Узкій путь къ закату насъ ведетъ,
Гдѣ насъ ждутъ не меркнущіе своды,
Гдѣ намъ вѣчность пѣснь свою поетъ.
Мы, какъ встарь, идемъ рука съ рукою
Для людей непонятой четой:
Я—съ моею огненной тоскою,
Ты—съ твоею бѣлою мечтой.

У ЗАМЕРЗШАГО ОКНА.

Погляди, деревья встали
И вблизи и вдалекѣ.
Погляди, какія дали
На серебряной рѣкѣ.

Сквозь жемчужныя сплетенья
Въ серебристо-синей мглѣ,
Видишь, ангеловъ движенья
Вдругъ застыли на стеклѣ.

Въ сочетаньи небываломъ
Здѣсь земля и небеса,
И глазамъ, глазамъ усталымъ
Вновь доступны чудеса.

СНѢГЪ.

Я проснулся... Тамъ, за стеклами окна,
Вся въ движеніи нѣмая бѣлизна.

Все, что ночью было тускло и черно,
Бѣлизною торжествующей полно.

Шумъ шаговъ людскихъ и санокъ быстрый бѣгъ—
Только шорохъ... О, прекрасный юный снѣгъ,

Я иду къ тебѣ, съ тобою... дай же мнѣ
Утонуть въ твоей бездонной бѣлизнѣ!

Снѣжнымъ облакомъ летѣли
Блѣдноликія мятели
Изъ полночныхъ странъ,
И вздымался, и качался,
И со стономъ разсыпался
Снѣжный ураганъ.
Но довольно пѣла вьюга,
Вѣсть весны на сѣверъ съ юга
Льется все смѣлѣй,
Дни свѣтлы и необъятны,
И душѣ влюбленной внятны
Крики журавлей.

Что-то страшно чернѣетъ въ углу...
Это тѣни легли на полу,
Но не бойся: скорѣй подойди
И спокойно гляди—
Никого,
Ничего...

Если жъ тьма въ моемъ сердцѣ лежитъ
И пугаетъ тебя и томитъ,
Не пытайся ее превозмочь,
И въ беззвѣздную ночь
Не гляди,
Уходи...

СТАРЫЙ ДОМЪ.

Лѣнивый вѣтерокъ въ травѣ чуть слышно
бродитъ...
До полдня здѣсь пріютъ и влагѣ, и тѣнямъ,
А тамъ, на лѣстницѣ, гляди, какъ солнце
всходитъ
Все выше, все теплѣй по ветхимъ ступенямъ.

Надъ лѣстницею—домъ, заросшій весь
кустами.
Никто въ немъ ни живетъ, покинутъ онъ
давно,
И, какъ недобрый глазъ подъ хмурыми
бровями,
Чернѣетъ и блеститъ подъ крышею окно.

Я такъ люблю идти заросшею тропою
Средь листьевъ и цвѣтовъ заброшенныхъ
куртинъ.
Вотъ ирисы встаютъ лиловою семьею
И одуванчики въ дыму своихъ сѣдинъ.

Я вечеромъ сюда усталый возвращаюсь;
Здѣсь ждетъ меня въ травѣ чуть видная
скамья.
Съ воспоминаньями я ласково встрѣчаюсь,
И долго думаю—и жду чего-то я.

Мнѣ кажется тогда безвластнымъ время злое,
И,—все одѣтое туманной тишиной,—
По ветхимъ ступенямъ ко мнѣ идетъ былое,
Чтобъ о грядущихъ дняхъ бесѣдовать со мной.

Спитъ рѣка въ бреду своихъ тумановъ,
И надъ ней, приплывъ издалека,
Словно рати двухъ враждебныхъ становъ,
Разорвавшись, встали облака.

Птица вдругъ проплакала ночная,
И опять все тихо и темно.
Спитъ земля, но спитъ, не отдыхая...
Я иду и думаю--одно.

И моимъ смущеннымъ мыслямъ вторя,
Тихо бредитъ спящая рѣка,
А въ небесномъ сумрачномъ просторѣ,
Поблѣднѣвъ, застыли облака.

Море любитъ землю, вѣчно негодуя,
Переходятъ въ ропотъ поцѣлуи моря,
Такъ тебѣ на встрѣчу радостно иду я,
Но въ душѣ упреки, въ сердцѣ столько горя.

Мы живемъ и дышимъ жизнью не одною:
Ты — понять не можешь, я — сказать не въ силахъ...
Такъ не властно море пѣнною волною
Отдохнуть, смирившись, на земныхъ могилахъ.

Тамъ далеко, въ синемъ морѣ,
Ходятъ корабли,
Забывая на просторѣ
Смѣхъ и радость, плачъ и горе,
И весь плѣнъ земли.
Но и тамъ, какъ голосъ дальній
Съ дальнихъ береговъ,
Тихо таетъ въ часъ прощальный
Звонъ колоколовъ.
И тогда, не внявъ покою
Царственныхъ ночей,
Вдругъ проносится толпою
И съ улыбкой и съ тоскою
Рой земныхъ тѣней.

ИСТИНА.

На утренней зарѣ восторженной душою
Всѣ, всѣ стремятся къ ней средь зла и темноты,
Готовы жертвовать и жизнью молодою,
Чтобъ только увидать сокрытыя черты.
Но дни смѣняются томительными днями,
Въ туманахъ вѣчности за годомъ тонетъ годъ,
Они еще идутъ усталыми шагами,
Въ пыли и темнотѣ еще идутъ впередъ...
Но вотъ осеннимъ днемъ, свой посохъ обветшалый
Изъ рукъ слабѣющихъ невольно уронивъ,
Къ землѣ смирившейся, померкшей и усталой
Они склоняются, о цѣли позабывъ.
Лишь въ этотъ поздній часъ, какъ яркая зарница,
На тьму минувшаго бросая свѣтлый взглядъ,
Она является, забытая царица,
Въ глубокой тишинѣ слова ея звучатъ:
—Весь долгій жизни путь я совершала съ вами,
Зачѣмъ же безъ меня сгорали ваши дни?
За неподвижными и вѣчными звѣздами
Зачѣмъ ловили вы мелькнувшіе огни!
Я вѣчныя слова вамъ тихо говорила,
Но жизни дикій гулъ мой голосъ заглушалъ.
Надъ позабытою, но дорогой могилой
Вашъ взоръ мои черты порою различалъ
Лишь на мгновеніе... вы отъ меня бѣжали,
Стремясь ко мнѣ душой въ томительномъ бреду...
Чего жъ вы жаждали, кого же вы искали?
Взгляните на меня, отвѣтьте мнѣ, я жду!—

Но нѣтъ, они молчатъ, закрывъ лицо руками,
Внезапный свѣтъ страшнѣй привычной темноты,
И силы нѣтъ взглянуть смущенными очами
Въ ея спокойныя и строгія черты.

ВЪ ТУМАНѢ.

Люди въ туманѣ все смутно мелькаютъ и таютъ.
Туманъ разлился надъ землею.
Черный кустарникъ унылыя вѣтви склоняетъ,
Прощаясь съ умершей листвою.

Люди усталые, взоромъ къ землѣ приникая,
Неясную ищутъ дорогу,
А надъ туманами ангелы, крылья вздымая,
Съ молитвой возносятся къ Богу,

И въ вышинѣ, недоступной для робкаго взора,
Какъ воины дальняго стана,
Лики пророковъ и стройныя главы собора
Сіяютъ надъ моремъ тумана.

Сегодня мы въ туманѣ шли.
Сѣдой преградою очамъ
Туманъ дымился отъ земли,
Плывя къ невиднымъ небесамъ.
Мы помолиться шли съ тобой...
Въ любимый храмъ тебя я велъ,
Но путь знакомый и простой
Въ туманѣ блѣдномъ не нашелъ:
Исчезли главы, нѣтъ крестовъ,
Не видно лѣстницъ и колоннъ,
И не роняетъ звучныхъ словъ
Призывный, благовѣстный звонъ.
— О гдѣ же, другъ, молиться намъ?—
— Душой прильнувъ къ душѣ родной,
Мы будемъ ждать... Онъ здѣсь, нашъ храмъ,
Здѣсь, за туманною стѣной.—

Въ часъ ночи поздній и ненастный,
Въ пустынной улицѣ порой,
Поднявши взоръ свой безучастный,
Я вижу свѣтъ передъ собой.

Тамъ высоко, во мглѣ туманной,
Мигаетъ блѣдный огонекъ,
Онъ кротокъ, какъ привѣтъ нежданный,
И такъ уныло-одинокъ.

Меня невольно привлекаетъ
Его неясный, блѣдный свѣтъ,
Тому, кого онъ озаряетъ,
Я сердцемъ шлю нѣмой привѣтъ.

Быть можетъ, въ этой жизни блѣдной
Судьба насъ не сведетъ съ тобой,
И оба мы пройдемъ безслѣдно,
Исчезнемъ, какъ туманъ ночной.

Но въ этотъ мигъ я понимаю
Тебя, мой неизвѣстный другъ,
Съ тобой люблю, съ тобой страдаю,
Мнѣ близокъ тайный твой недугъ.

За всю любовь, за всѣ мученья,
Мой братъ усталый и больной,
Я шлю тебѣ благословенья
Среди ненастья, въ часъ ночной.

ДОМА́.

Вокругъ меня неясныя громады
Сѣдыхъ домовъ тяжелымъ сномъ встаютъ,
Глядятъ на жизнь, какъ будто ей не рады
И никого не любятъ и не ждутъ.

Но я люблю тоску ихъ очертаній,
Порывы ихъ къ печальнымъ небесамъ,
Унылый гулъ ихъ тяжкихъ содроганій,
Прощальный зовъ къ давно угасшимъ днямъ.

Сквозь жизни стукъ, средь говора людского,
Въ дремотной мглѣ имъ снится шумъ лѣсовъ
И рѣчь воды у берега родного,
Подъ тѣнью скалъ и мшистыхъ валуновъ.

Не вѣрю я ихъ смерти и покою
И радъ, когда, не вѣдая измѣнъ,
Заря начертитъ огненной рукою
Слова любви на камнѣ мрачныхъ стѣнъ.

ВЪ ДАРЬЯЛѢ.

Мнѣ пѣли Арагвы струи голубыя,
Въ прозрачно зеленой тѣни,
И Грузіи нѣжной холмы золотые
Мнѣ пѣли про лучшіе дни.

Я вѣрилъ имъ вновь легковѣрной душою,
Минувшее сталъ забывать...
Зачѣмъ же мнѣ, Терекъ, мятежной волною
Ты горе пророчишь опять!

Ни утромъ, ни въ полночь покоя не зная,
Ты въ каменныхъ бьешься тискахъ,
Недобрая сила, но сердцу родная
Въ твоихъ возмущенныхъ волнахъ.

Съ рыданьемъ изъ трещины рвешься глубокой
Мгновенія, дни и года,
И ласковый лепетъ Арагвы далекой
Подъ шумъ твой замолкъ навсегда!

Мутнѣютъ огни фонарей
За снѣжною пляской,
А вѣтеръ все крѣпче, бодрѣй
И кровь мою гонитъ быстрѣй
Морозною лаской.

Снѣжинки въ лицо мнѣ снуютъ,
Цѣлуя прохладно,
Онѣ всѣ пути заметутъ
И скроютъ отъ глазъ твой пріютъ
Ревниво и жадно.

Мнѣ вѣтеръ идти не даетъ
Сквозь снѣжную пляску...
Вдали отъ знакомыхъ воротъ
Стою я и вьюга поетъ
Мнѣ зимнюю сказку.

ВЪ ЗИМНЮЮ НОЧЬ.

Мы вышли, и мѣсяцъ взглянулъ намъ въ лицо,
Печальный, холодный, далекій,
Вокругъ него мутно бѣлѣетъ кольцо,
Свершая съ нимъ путь одинокій.

Мы вышли изъ тяжкихъ и гулкихъ дверей,
Минуя угрюмыя сѣни,
Отъ вѣтра колеблется свѣтъ фонарей,
Дрожатъ и шатаются тѣни.

Вдоль улицы блѣдной вся жизнь умерла,
Лишь окна чуть рдѣютъ огнями,
Вездѣ голубая хрустальная мгла,
Вблизи, и вдали, и надъ нами.

Привѣтъ нашъ прощальный такъ робко звучитъ
Пугаетъ насъ путь одинокій,
А мѣсяцъ намъ въ блѣдныя лица глядитъ
Холодный, печальный, далекій.

БѢЛАЯ СИРЕНЬ.

Умираютъ бѣлыя сирени.
Тихій садъ молитвы имъ поетъ,
И ложатся близкой смерти тѣни
На цвѣты, какъ ржавчины налетъ.

А вокругъ все дышитъ жизнью смѣлой,
Всѣ цвѣты надеждами полны,
Лишь тебѣ, рожденной ночью бѣлой,
Умереть съ послѣднимъ днемъ весны.

Но душой, не вѣдающей тлѣнья
И земныхъ мгновеній и оковъ,
Буду помнить бѣлую сирень я
И дыханье звѣздныхъ лепестковъ.

ДОЖДЬ.

Сѣрое небо и черныя ели,
Шумъ и дыханье дождя...
Слезъ удержать небеса не сумѣли,
Сумрачный день проведя.
Вздрагивать влажные листья устали,
Въ тягость имъ капли дождя.
Вечеръ задумчивъ и полонъ печали,
Въ темную ночь уходя.
Власть полуночной тиши уступая,
Словно бойцы безъ вождя,
Крадутся робко, по крышѣ ступая,
Капли ночного дождя.

МОТЫЛЕКЪ.

Какъ утомился отъ знойнаго дня я,
Ночь коротка, горяча,
Плачетъ тихонько свѣча,
Бѣлыя слезы роняя.

Вздохи полночные пламя колышатъ,
Дышитъ и крадется мгла,
Вотъ мот ылка принесла,
Сердце полетъ его слышитъ.

Къ свѣту все ближе летитъ онъ, мятежный,
Тускло-стеклянным крыломъ
Рѣетъ, кружась надъ огнемъ,
Страстный, и смѣлый, и нѣжный.

Жду я... Какъ близко возможность спасенья:
Встану, закрою окно.
Тамъ, на землѣ, гдѣ темно,
Ждутъ его жизни мгновенья.

Медлю, колеблюсь... Ты жаждешь сіянья
И не дождешься зари...
Нѣтъ, не лишайся восторговъ страданья—
Въ свѣтѣ сгори!..

Солнце нижетъ листья изумрудные
Золотыми нитями лучей,
По землѣ, какъ будто жилы рудныя,
Расползлись извилины корней.

Руку дай, дитя, тропою хвойною
Забредемъ далеко мы, туда,
Гдѣ насъ жизнь загадкой безпокойною
Не найдетъ, не встрѣтитъ никогда.

Гдѣ мгновенья стынутъ, не мѣняются,
Гдѣ не вянутъ тихіе цвѣты,
Гдѣ въ прозрачномъ небѣ поднимаются
Тонкихъ елей стройные кресты.

Тамъ, забывъ стремиться въ даль неясную,
Къ тишинѣ душою ты прильнешь
И молитву первую, безгласную
Ты съ моей молитвою сольешь.

Надо мной пылали звѣзды,
Подо мной вздыхало море,
Я искалъ легенды древнихъ
Въ звѣздномъ спутанномъ узорѣ.

И душа раскрыла крылья,
Не смутясь предъ вѣчной бездной
И познала откровенья
Свѣтлой тайны—тайны звѣздной.

Мы живемъ и мертвѣемъ,
Наше сердце молчитъ.
Мы понять не умѣемъ,
Что намъ жизнь говоритъ

Отчего мы стыдимся
Словъ нескромной весны?
Отчего мы боимся
Видѣть вѣщіе сны?

Наша радость застыла
Въ темнотѣ и пыли,
Наши мысли покрыла
Паутина земли.

Но душой неусталой
Мы должны подстеречь
Для любви небывалой
Небывалую рѣчь.

ПОЛДНЕВНАЯ ТАЙНА

Тамъ, гдѣ камень раскаленный
Всталъ отвѣсною стѣной,
По тропѣ, въ травѣ сожженной
Я иду—и дышитъ зной.

Тайну ночи я извѣдалъ,
Понялъ шепотъ полу-тьмы,
Лунный свѣтъ мнѣ власть повѣдалъ
Голубой своей тюрьмы.

И теперь иду на встрѣчу
Я полдневному огню,
Солнца взглядъ, не дрогнувъ, встрѣчу
И навѣки сохраню.

Здѣсь душѣ пылать отрадно
Подъ ударами лучей,
Пьетъ она, какъ влагу, жадно
Дрожь неслыханныхъ рѣчей.

Тьму и тѣни забывая,
Свѣтъ разящій я люблю
И, сгорая, умирая,
Все пойму—не отступлю...

ТАЙНА СМЕРТИ.

Ночь—темный, тусклый взоръ на землю опустила,
И дремлетъ, и молчитъ, крыломъ не шевеля...
Въ туманѣ, какъ въ дыму, погасли звѣздъ кадила,
И паутиной сновъ окутана земля.

Жизнь умерла кругомъ, но тайны воскресаютъ.
Неуловимыя, какъ легкій вздохъ ночной,
Онѣ встаютъ, плывутъ, трепещутъ, исчезаютъ,
И лишь одна изъ нихъ всегда во мнѣ, со мной.

То—смерти вѣчная, властительная тайна;
Я чувствую ее на днѣ глубокихъ сновъ,
И въ предразсвѣтный часъ, когда проснусь случайно,
Мнѣ слышится напѣвъ ея немолчныхъ словъ:

— Я здѣсь, какъ сердца стукъ и какъ полетъ мгновеній,
Я—страхъ предъ вѣчностью; но этотъ страхъ пройдетъ,
И ледяной огонь моихъ прикосновеній
Лишь ложныя черты и выжжетъ, и сотретъ...—

И ясно вижу я въ тѣ вѣщія мгновенья,
Что жизнь отвѣта ждетъ—и близится отвѣтъ,
Что есть—проклятье, боль, унынie, забвенье,
Разлука страшная,—но смерти нѣтъ...

Сосны сухія и ели мохнатыя черныя
Къ берегу тѣсно столпились.
Мракъ ихъ недвижный и тяжкія вѣтви узорныя
Въ сонной водѣ повторились.

Тамъ, надъ деревьями, яркое небо закатное
Все обѣщаньями рдѣетъ..
Слышитъ вода заклинанье деревьевъ невнятное,
Небу отвѣтить—не смѣетъ.

Такъ, угрожая, всѣ помыслы тьмою одѣтые
Душу мою обступили,
Падаютъ руки, къ далекому небу воздѣтыя,
Въ сердцѣ молитвы остыли.

Боже! я сплю, но великое чудо желанное
Дай, пробудившись, мнѣ встрѣтить,
Темной душѣ дай на слово Твое несказанное
Новой молитвой отвѣтить!

СЛѢПОЙ.

СЛѢПОЙ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Альдоръ. Ослѣпшій художникъ.
Ореада. Молодая женщина.
Старый пастухъ.
Изера.

Дѣйствіе происходитъ въ горахъ.

КАРТИНА I.

Горная мѣстность. Налѣво пещера. На горизонтѣ цѣпь снѣжныхъ горъ. Солнце садится. Справа входятъ Альдоръ и Ореада въ плащахъ, съ котомками и посохами. Она ведетъ его за руку.

Альдоръ.—Намъ отдохнуть пора,—довольно, Ореада;
Сегодня путь нашъ былъ и труденъ, и далекъ.

Мнѣ въ жаркое лицо повѣяла прохлада—
Вечерняя заря шлетъ первый вѣтерокъ.

Ореада.—Да, ночь уже близка, долины холодѣютъ,
Тускнѣя въ синей мглѣ, и тѣни налегли,
А горы снѣжныя все ярче розовѣютъ
Какъ лепестки цвѣтовъ, не знающихъ земли.

Альдоръ.—Какъ я любилъ глядѣть на эти очертанья,
На дѣвственныхъ снѣгахъ далекій блескъ ловить!..
То средь земного сна застывшія сказанья
И пѣсни Божества... Какъ я умѣлъ любить,
Какъ плакалъ горячо предъ этой красотою
И какъ молился я въ счастливые года!..
Зачѣмъ ты говоришь, что горы предо мною,
Когда мнѣ не видать ихъ больше никогда!..
(*Закрываетъ лицо руками*).

Ореада.—Прости меня, Альдоръ, прости! Твои мученья
Понятны мнѣ вполнѣ, о, мой печальный другъ, –
Но нѣтъ въ моей душѣ ни страха, ни сомнѣнья:
Я знаю, что пройдетъ тяжелый твой недугъ.

Альдоръ.—Пять долгихъ лѣтъ прошло со дня, когда впервые
Все то, что я любилъ, навѣкъ покрылось тьмой—
И море дальнее, и горы голубыя,
И пестрые цвѣты... и трудъ любимый мой.
И съ той поры еще ни дня не проходило,
Чтобъ ты не пѣла мнѣ, чтобъ смѣхъ твой не звучалъ;
Объ исцѣленіи ты часто мнѣ твердила
И повторяла мнѣ, чтобъ я не унывалъ.
Вначалѣ, какъ дитя, твоимъ словамъ я вѣрилъ,
Какой-то свѣтъ мерцалъ, какъ робкій проблескъ дня,
Я лгалъ еще себѣ, съ собою лицемѣрилъ,
Но больше не могу ни лгать, ни вѣрить я.

Мракъ обуялъ меня, души моей коснулся...
Ты все звала меня идти впередъ, впередъ,
И я покорно шелъ, а предо мной тянулся
Отчаянья и тьмы холодный, черный сводъ.

Ореада.—Альдоръ, ужъ ночь близка; я знаю, недалеко,
Среди отвѣсныхъ скалъ, пещера есть одна.
Я наберу вѣтвей на берегу потока,
Чтобъ разложить костеръ: ночь будетъ холодна.
Я принесу травы, чтобъ ароматомъ нѣжнымъ
Былъ воздухъ напоенъ, когда ты будешь спать,
Чтобъ могъ ты утонуть въ покоѣ сна безбрежномъ,
Я наберу цвѣтовъ...

Альдоръ.—О, перестань мечтать!
Къ чему твои цвѣты? Вѣтвей побольше надо:
И тучамъ грозовымъ, и вѣтру—здѣсь просторъ...
Зачѣмъ меня сюда влекла ты, Ореада?
Мнѣ сердце леденитъ дыханье снѣжныхъ горъ!

Ореада.—Не спрашивай меня! я и сама не знаю,
Но вѣрю, чувствую, что здѣсь спасенье намъ,
И пыль долинъ съ одеждъ и мыслей отряхаю,
И горы для меня—родной и свѣтлый храмъ

Альдоръ.—Блаженна, какъ дитя, усталости не знаешь...
Тебя хотѣлъ бы я—но не могу понять:
Сама ты весела, сама ты не страдаешь,
Но скорбь *мою* тебѣ нельзя не раздѣлять!

Ореада.—Мой бѣдный другъ, зачѣмъ тебѣ мое мученье!
Въ тебѣ надежды нѣтъ—во мнѣ она живетъ.
Больнымъ не надо слезъ, имъ нужно исцѣленье;
Лишь радость свѣтлая къ спасенію ведетъ.

Альдоръ.—Спасенье! Мнѣ опять твердишь ты о спасеньѣ,
И равнодушіе въ словахъ твоихъ звучитъ...
Чу! шорохъ слышу я, какое-то движенье,
Исчезла тишина, пустыня говоритъ.

Ореада.—Не слышу ничего; одинъ потокъ рыдаетъ
И рѣчь свою ведетъ въ глубокой тишинѣ...
А! вотъ и до меня какъ будто долетаетъ
Какой-то смутный шумъ; доносится ко мнѣ
Далекій лай собакъ... все ближе, все слышнѣе,
Вотъ блеянье порой раздастся, вотъ кричитъ
Пастухъ; ужъ видно мнѣ, какъ по травѣ, желтѣя,
Барановъ и овецъ кудрявый рядъ бѣжитъ.

(Входитъ старый пастухъ и кричитъ, обращаясь за кулисы).

Пастухъ.—Сюда, Діалъ, сюда, гони ихъ всѣхъ къ пещерамъ!
Переночуемъ тутъ, и будетъ намъ тепло...

(Оглядывается).

Но здѣсь ужъ кто-то есть... сидятъ на камнѣ сѣромъ.
Что нужно имъ въ горахъ, и что ихъ привело?

Ореада.—Привѣтъ тебѣ, старикъ! Въ пещерѣ мѣста много,
Разложимъ мы костеръ, ночь вмѣстѣ проведемъ;
Насъ привела сюда нагорная дорога,
А завтра на зарѣ мы дальше въ путь пойдемъ.

Пастухъ.—Добро пожаловать, я радъ случайной встрѣчѣ,
И съ вами раздѣлить я трапезу готовъ.
Давно ужъ я въ горахъ людской не слышалъ рѣчи,
Души не согрѣвалъ теплом привѣтныхъ словъ.

Ореада.—Такъ я сухихъ вѣтвей пойду набрать скорѣе,
Нарву сухой травы, чтобъ разложить костеръ—

При яркомъ пламени бесѣда веселѣе...
Ты подождешь меня,—не правда ли, Альдоръ?

(Отводитъ въ сторону стараго пастуха).

Ты съ нимъ побудь, мой другъ, и слушай терпѣливо;
О горестяхъ своихъ онъ станетъ говорить,
Онъ скажетъ, что судьба къ нему несправедлива:
Художнику, какъ онъ, слѣпымъ ужасно быть!

Пастухъ.—Художникъ и слѣпой!.. Несчастный, поневолѣ
Онъ ропщетъ на судьбу, отчаяньемъ томимъ.
Нельзя винить орла, кричащаго въ неволѣ...
Иди, мое дитя, а я побуду съ нимъ.

(Ореада уходитъ).

Пастухъ—*(возвращается къ Альдору и садится рядомъ съ нимъ на камень).*

Ну, вотъ и отдохнемъ! Я сдѣлалъ верстъ не мало
Сегодня по горамъ; забрался высоко,
Чтобъ вѣтеръ обдувалъ и муха не мѣшала,
А вотъ теперь усталъ,—быть старымъ не легко!

Альдоръ.—На старость не ропщи,—есть худшее мученье:
Быть молодымъ, какъ я, съ любовью жизнь понять,
Вникать въ прекрасныя и страшныя явленья,
Даръ получить—мечты и мысли воплощать,
И холодъ творчества узнать, и упиваться
Тѣмъ, что дѣтей земли равняетъ съ Божествомъ,
Заставить тьмы людей дрожать и улыбаться
И плакать на землѣ о свѣтѣ неземномъ—
И вдругъ утратить все, игрушкою безсильной
Быть брошеннымъ во прахъ злой прихотью судьбы!..
О, лучше во сто кратъ покой и мракъ могильный,
Чѣмъ эта жизнь во тьмѣ безъ смысла, безъ борьбы!

Несчастнымъ не зови того, кто собираетъ,
Одѣтый рубищемъ, свой ежедневный хлѣбъ.
Кто за стѣной тюрьмы въ неволѣ изнываетъ,—
Несчастливъ лишь одинъ—несчастливъ тотъ, кто слѣпъ!
Хоть узникъ и въ тюрьмѣ—онъ можетъ ждать свободы,
Тамъ, за рѣшеткою окна, надъ головой,
Онъ видитъ то лазурь, то сумракъ непогоды;
Онъ можетъ нанести закованной рукой
На камни стѣнъ сырыхъ хоть тѣнь, хоть очертанья
Далекихъ горъ, лѣсовъ, движенія людей,—
Надѣяться и ждать, что кончатся страданья,
И солнце съ рукъ сотретъ холодный знакъ цѣпей.
А мнѣ спасенья нѣтъ; незримо пролетаютъ
Дни, какъ нетопыри, во мракѣ надо мной,
Шурша, они меня крылами задѣваютъ...
Я слышу стонъ совы средь тишины ночной,
И ей завидую: блестящими глазами
Она теперь свою добычу стережетъ.
День ослѣпитъ ее, но въ этотъ мигъ звѣздами
Она любуется, и радостенъ полетъ.
А я и день, и ночь—всегда подъ чернымъ сводомъ,
Я—узникъ безъ тюрьмы, въ неволѣ—безъ оковъ,
И жду, когда пройдутъ уныло годъ за годомъ,
И смерть съ померкшихъ глазъ сорветъ земной покровъ.

(Молчаніе).

Быть можетъ, злымъ тебѣ кажусь я, непонятнымъ?
Во тьмѣ моей души звучатъ проклятья, крикъ,—
Такъ чайки мечутся надъ моремъ необъятнымъ...
Но ты меня, скажи, не слушаешь, старикъ?

Пастухъ —О, нѣтъ, я слушаю; отъ жалости сжималась
Не разъ моя душа, когда ты говорилъ,—
Но утѣшеніе еще тебѣ осталось:

Какъ ласковый цвѣтокъ сіяетъ средь могилъ,
Такъ спутница твоя во мракѣ дней унылыхъ
Замѣнитъ для тебя очей померкшихъ свѣтъ
И нѣжнымъ звукомъ словъ ласкающихъ и милыхъ
Разсѣетъ всю печаль грядущихъ долгихъ лѣтъ.
Я памятью ужъ слабъ, но помню, что когда-то,
Должно быть въ свѣтломъ снѣ, являлась мнѣ она
Звѣздою ясною, не знающей заката,
И чистой радостью душа была полна.
Скажи мнѣ, кто она? Я жилъ на свѣтѣ много
И въ долгихъ странствіяхъ чего я не видалъ,
Чудесъ не мало есть и красоты у Бога,
Но на яву еще души не озарялъ
Мнѣ взглядъ такихъ очей; какая-то отрада
Неизъяснимая звучитъ въ ея словахъ...
Скажи мнѣ, кто она?

Альдоръ.—Ей имя—Ореада;
Родныхъ нѣтъ у нея, она жила въ горахъ,
Въ одной семьѣ; ее я встрѣтилъ разъ весною,
Когда въ селеніяхъ натурщицу искалъ.
Я ей сказалъ, кто я; она пошла со мною.
Для церкви городской святую я писалъ.
Мнѣ подошелъ какъ разъ и взглядъ ея глубокій,
И золотыхъ волосъ воздушная волна,
И руки слабыя, и нѣжный станъ высокій,
И шея тонкая... Какъ жизнь была полна
Въ тѣ дни далекіе... впервые вдохновенье
Такъ ослѣпительно мнѣ въ душу низошло,
И долгіе часы летѣли какъ мгновенья,
И сердце радостью пылало и цвѣло.
Я образъ написалъ... Я помню, какъ толпами,
Чтобъ видѣть свѣтлый ликъ, народъ спѣшилъ во храмъ;

Полъ передъ образомъ усыпанъ былъ цвѣтами,
Со вздохами молитвъ сливался ѳиміамъ...

Пастухъ.—Постой, постой, мой другъ, теперь я вспоминаю:
Я въ этомъ храмѣ былъ, святую видѣлъ я,
И каждый разъ я ей молитвы возсылаю,
Когда печаль иль страхъ находятъ на меня.
Теперь все ясно мнѣ: вотъ почему лучами
Знакомыми блеснулъ мнѣ въ душу свѣтлый взоръ...
Такъ этотъ ликъ святой, украшенный цвѣтами,
Твое созданіе? Тебя зовутъ Альдоръ?

Альдоръ.—Да.

Пастухъ.—Жизнь твоя была полна любви и счастья,—
Когда же зрѣнія тебя Господь лишилъ?
Открой всю душу мнѣ, повѣрь въ мое участье.

Альдоръ.—Я разскажу тебѣ, быть можетъ хватитъ силъ.

Пастухъ.—Конечно, и любовь, и славу Ореада
Съ тобой дѣлила... да? Что значитъ... ты молчишь?

Альдоръ.—Мнѣ слишкомъ тяжело, не спрашивай, не надо!..

Пастухъ.—Нѣтъ, разскажи мнѣ все,—ты душу облегчишь.

Альдоръ.—Зачѣмъ ты разбудилъ мои воспоминанья!..
Я обманулъ ее, другую полюбилъ,
Другой я отдалъ жизнь, и мысли, и желанья,
Созданія мои—другой я посвятилъ.

Пастухъ.—Что жъ ты умолкъ опять... она тебя любила?

Альдоръ.—Любила ли она?—Не знаю, можетъ быть...

Какъ будто предо мной разрытая могила,
И воскресаетъ то, что я хотѣлъ забыть.
Я счастливъ былъ, но вотъ, въ разгарѣ жизни шумной,
Завѣса черная спустилась предо мной—
И погасила свѣтъ... Я вскрикнулъ, какъ безумный,
Сознанье потерялъ... Очнулся я—слѣпой.

Пастухъ.—Но та, которую любилъ ты, оставалась
Съ тобой?

Альдоръ.—Да, нѣжности и жалости полна,
Она шептала мнѣ слова любви; казалась,—
Такъ говорили мнѣ,—печальна и блѣдна.
Но шли за днями дни, меня позабывали,
Привыкли къ жалобамъ, не стали имъ внимать.
Слова возлюбленной мой мракъ не разгоняли
Любовью прежнею, и сталъ я наблюдать.
Лишенный зрѣнія, я слышалъ все такъ ясно,
И вотъ я услыхалъ случайно разговоръ:
— Всю жизнь прожить съ больнымъ, безъ радости... ужасно!
Ты слишкомъ молода...—Молчи!..—Но спитъ Альдоръ.
Я видѣлъ самъ, онъ спитъ и слышать насъ не можетъ,
А у меня нѣтъ силъ знать, видѣть и молчать!
Ты такъ чутка, тебя больного стонъ тревожитъ
И правду отъ него рѣшила ты скрывать;
Я и не требую, не нужно объясненья...
— О, что ты говоришь! Альдоръ—твой лучшій другъ!
— Да, другъ, и я его жалѣю безъ сомнѣнья,
Но для меня онъ мертвъ, его убилъ недугъ.
— Онъ мертвъ и для меня. Я прежде такъ любила
Его могучій умъ, мысль свѣтлую, какъ день,
Но красоту души болѣзнь его убила,—
Я не могу любить страдающую тѣнь!..—

Тогда неслышно я и, руки простирая
Впередъ, вдругъ подошелъ и передъ ними всталъ.
Что я имъ говорилъ тогда—теперь не знаю...
Но помню—какъ грозилъ, смѣялся, проклиналъ.
Когда очнулся я—все въ тишинѣ застыло,
Мнѣ только слышался тяжелый сердца стукъ,
Мракъ обнималъ меня, какъ черная могила,
Незримый міръ молчалъ таинственно вокругъ.
Какіе дни потомъ, какъ змѣи, потянулись,
Какія ночи я провелъ въ бреду, въ слезахъ—
Мнѣ тяжко вспоминать... Всѣ люди отвернулись
Отъ злобнаго слѣпца,—въ нихъ суевѣрный страхъ
Рождалъ мой видъ больной и дикія проклятья,
А я—не могъ забыть любви блаженныхъ сновъ,
Во тьмѣ я простиралъ безсильныя объятья;
И вотъ я услыхалъ однажды звукъ шаговъ...
Мнѣ въ легкомъ шумѣ ихъ почудилась отрада,—
Такъ шелестятъ цвѣты отъ ласки вѣтерка...
Съ рыданьемъ надо мной склонилась Ореада,
И на глаза мои легла ея рука.
Мы долго плакали, какъ дѣти обнимаясь,
И яркая печаль казалась мнѣ блѣднѣй.
Она, къ моимъ устамъ все ближе наклоняясь,
Шептала: — Другъ, уйдемъ! — И я пошелъ за ней.
Съ тѣхъ поръ прошло пять лѣтъ, мы странствуемъ повсюду;
Она мнѣ все твердитъ, чтобъ вѣрилъ я въ любовь,
Что Богомъ избранъ день, когда свершится чудо,
И свѣтлый Божій міръ я вдругъ увижу вновь.
Я долго вѣрилъ ей, но больше нѣту силы
Ни вѣрить, ни мечтать, ни плакать, ни любить...
Скорѣй бы ощупью добраться до могилы,
Упасть на дно ея, уснуть и все забыть!

Пастухъ.—Тяжка твоя печаль,—я вѣрю, понимаю,
Но всѣхъ несчастнѣе себя ты не зови:
Ты любишь и любимъ...

Альдоръ.—Люблю, любимъ... не знаю;
Во тьмѣ души моей нѣтъ мѣста для любви.

Пастухъ.—Безумныя слова! Не думалъ, что придется
Средь горной тишины услышать ихъ опять.
Какъ будто изъ долинъ вздымается, несется
Забытый жизни гулъ—мнѣ душу омрачать.
Тамъ, въ глубинѣ долинъ, погибшихъ жизней много·
Погибель не извнѣ, а отъ самихъ людей...
Къ пещерамъ привела васъ горная дорога,—
Ты самъ ли захотѣлъ идти сюда по ней?

Альдоръ.—Нѣтъ, было то всегда желанье Ореады.

Пастухъ.—Она,—я такъ и зналъ,—она тебя ведетъ!

Альдоръ.—Ее всегда влекутъ родимыхъ горъ громады,
Потоковъ плескъ и шумъ, и льдистый блескъ высотъ
Навѣрное теперь, валежникъ собирая,
Она любуется на травы и цвѣты
И будитъ эхо горъ, смѣясь и напѣвая;
Она совсѣмъ дитя, ее не знаешь ты.
Найдя меня слѣпымъ, она тогда рыдала,
Но съ той поры я слезъ ея не замѣчалъ;
А помню, какъ грустна она была сначала,
Тогда, когда съ нея святую я писалъ.
Когда бъ она теперь по прежнему любила,—
Она бъ не вынесла всю скорбь моей души...

А! вотъ она идетъ... вотъ что-то уронила,
И легкій звукъ шаговъ такъ ясенъ здѣсь, въ тиши.

(Входитъ Ореада съ хворостомъ, травой и цвѣтами въ рукахъ).

Ореада.—Вернулась скоро я? Нигдѣ не отдыхала,
Душистые цвѣты и травы все рвала.

(Къ Альдору).

А вотъ и ягоды я для тебя достала,
Высоко на скалѣ, и въ листьяхъ принесла.

(Къ пастуху).

Костеръ ты разложилъ? А гдѣ котомки наши?

Пастухъ.—Сегодня вы въ гостяхъ и здѣсь хозяинъ я;
Сейчасъ достану вамъ и молоко, и чаши;
Мы будемъ пировать, какъ дружная семья.

Ореада—*(къ пастуху).*—Какія страшныя отъ насъ ложатся тѣни,
И вся скала, гляди, и рдѣетъ, и дрожитъ!
Недвижно я стою, склонившись на колѣни,
А тѣнь колеблется, взвивается, грозитъ!

Пастухъ.—Да, средь глубокой тьмы, когда источникъ свѣта
Пылаетъ на землѣ, бываетъ тѣнь страшна;
Когда же солнце льетъ съ небесъ лучи привѣта,
То, какъ покорный песъ, у ногъ лежитъ она.

Ореада.—*(Къ Альдору).*—Что, ягоды вкусны? Какъ жаль, что не успѣла
Побольше ихъ набрать... Не выпьешь ли вина?

Альдоръ.—Нѣтъ, больше не хочу; ты лучше бы намъ спѣла

Пастухъ.—Оставь ее, Альдоръ, она утомлена.

Альдоръ.—Онъ говоритъ, что ты устала, Ореада?

Ореада.—О, нѣтъ, ты знаешь, другъ, я рѣдко устаю;
За ласковый пріемъ я заплатить такъ рада,
Лишь назовите пѣснь—сейчасъ же вамъ спою.

Альдоръ.—Постой, дай вспомнить мнѣ!..
—Онъ шелъ на поле битвы
Со знаменемъ въ рукахъ и умеръ, какъ герой.
Царила смерть кругомъ и слышались молитвы...—
Не помню дальше словъ... вотъ эту пѣсню спой!

Ореада—*поетъ*.—Онъ шелъ со знаменемъ въ рукахъ
Впередъ, на поле битвы;
У всѣхъ въ душѣ змѣился страхъ,
И слышались молитвы.
Въ немъ ужасъ сердца не сжималъ
Холодными когтями;
Онъ гордо знамя поднималъ
Могучими руками—
И шелъ впередъ, въ послѣдній бой.
Кругомъ ужъ смерть царила;
Онъ слышалъ стоны за собой,
Ждала его могила.
Онъ это зналъ—и шелъ впередъ,
Къ врагамъ все приближаясь,
И знамя гордо свой полетъ
Свершало, развѣваясь.
И онъ заснулъ послѣднимъ сномъ,
Пронизанный штыками,
Лежалъ съ нахмуреннымъ челомъ
Одинъ передъ врагами;
Когда же къ трупу подошли
Изъ нихъ два самыхъ смѣлыхъ,

То вырвать знамя не могли
Изъ рукъ окоченѣлыхъ.

Альдоръ.—Мнѣ нравится напѣвъ могучій и унылый...
Я слышу воиновъ тяжелый, мѣрный шагъ,
Звучатъ слова молитвъ предъ близкою могилой,
И, какъ удары крылъ, по вѣтру бьется стягъ.

Пастухъ.—Я знаю эту пѣснь, но пѣнія такого
Не слышалъ никогда я въ жизни; стали вдругъ
Полны въ ея устахъ значенія иного
Слова...

Альдоръ.—Спой, спой еще!..

Ореада.—Теперь спою, мой другъ,
Я пѣсню тихую, чтобъ ты уснулъ скорѣе;
Далекій, трудный путь съ зарей опять насъ ждетъ;
Ты долженъ отдохнуть, чтобъ завтра встать бодрѣе...
Ночная тишина со мной тебѣ споетъ.—*(Поетъ).*
Снѣжныя горы сквозь сумракъ мерцаютъ
Блѣднымъ шатромъ;
Горныя рѣчки въ тиши напѣваютъ
Пѣснь о быломъ.
Птица ночная вдали прорыдала,
Гаснутъ огни;
Бѣдное сердце томиться устало...
Другъ мой, усни!
Пусть и страданья твои уплываютъ
Съ горной рѣкой,—
Спи, не тревожься, тебя ожидаютъ
Сонъ и покой.

(Альдоръ засыпаетъ).

Пастухъ—*(прислушавшись къ дыханію Альдора).*
Онъ спитъ... Съ тобой, дитя, поговорить мнѣ надо.
Я всей душой хочу, готовъ тебѣ помочь.
Ты въ чудо вѣрила пять лѣтъ,—да, Ореада?
И чудо, можетъ быть, свершится въ эту ночь.
Давно живетъ въ горахъ, ты, можетъ быть, слыхала,
Здѣсь женщина одна, Изера—имя ей.
Въ былыя времена стекалось къ ней не мало
Людей изъ разныхъ странъ: травъ, дорогихъ камней,
Цвѣтовъ и звѣздъ она вліянья изучила,
Съ ея очей порой спадалъ земной туманъ,
И все грядущее предъ нею проходило
Въ пустынѣ жизненной, какъ длинный караванъ.
Но только тѣхъ людей она мольбамъ внимала,
Чьи души не покрылъ земли холодный прахъ;
На рѣчи праздныя она не отвѣчала
И даже въ избранныхъ вселяла тайный страхъ.
Не знаю, не могла она иль не хотѣла
Всѣмъ слабымъ помогать и всѣмъ давать совѣтъ,
Но къ хижинѣ ея тропинка опустѣла,
Не ходятъ люди къ ней теперь ужъ много лѣтъ.
Лишь я еще одинъ ее не забываю:
Когда-то, ужъ давно, она мнѣ жизнь спасла,
И я ее порой со стадомъ навѣщаю.
Надъ хижиной ея возносится скала,
И крестъ на ней стоитъ; огромный, величавый
Не человѣческой онъ вытесанъ рукой,
И я люблю смотрѣть, какъ отблескъ вѣчной славы
Пылаетъ на крестѣ въ часъ утра золотой.
Когда мнѣ повѣрялъ Альдоръ свои печали,
Мнѣ стало ясно все, чего не видитъ онъ,
Въ душѣ моей слова Изеры прозвучали:
—Одна любовь спасетъ того, кто ослѣпленъ...—

Пойдемъ, дитя мое, знакомою тропою
Я проведу тебя на выси дальнихъ горъ,
Изеру ты найдешь...

Ореада.—Да, я пойду съ тобою,
Но будетъ насъ искать проснувшійся Альдоръ.

Пастухъ.—Онъ будетъ долго спать, дорогой утомленный,
А завтра въ полдень ты ужъ снова будешь съ нимъ.
Одна ты не найдешь тропы уединенной;
Оставивъ здѣсь его, мы тайну сохранимъ.

Ореада.—Но, прежде, чѣмъ уйду, я такъ ему устрою,
Чтобъ онъ, проснувшись, могъ сейчасъ же все найти.
Вотъ хлѣбъ, вода, вино... плащомъ его прикрою,—
Мнѣ безъ плаща въ горахъ удобнѣе идти.

Пастухъ.—Тебѣ удобнѣе, дитя мое, я знаю,
Лишить себя всего, чтобъ все ему отдать,—
Но будь себѣ вѣрна, тебѣ я не мѣшаю.
Взгляну на стадо я,—ужъ начало свѣтать.

(Уходитъ).

Ореада.—Въ душѣ моей сплелись и радость, и сомнѣнья,
Я вѣрю и боюсь... нѣтъ, вѣрю, вѣрю я!
Такъ засіяй же мнѣ, какъ вѣстница спасенья
И путь мой освѣти, желанная заря!

КАРТИНА II.

Горная мѣстность. Ясное утро. Налѣво, въ скалѣ, хижина; надъ скалою—большой каменный крестъ. Справа входятъ Ореада и старый пастухъ.

Пастухъ.—Ну, вотъ и хижина; на небѣ просвѣтленномъ
Ты видишь, темный крестъ вознесся надъ скалой,

Иди туда скорѣй и сердцемъ несмущеннымъ
Изеру назови; иди, Господь съ тобой!

Ореада.—Какъ сердце дрогнуло, почуявъ вдругъ разлуку,
Быть можетъ, вѣчную... а все свѣтло вокругъ,
Свѣтло и радостно... Дай мнѣ на счастье руку,
Благодарю тебя, мой добрый, добрый другъ!

Пастухъ.—Отбрось послѣдній страхъ, послѣднее сомнѣнье!
Позволь мнѣ, какъ отцу, прижать тебя къ груди,
Да будетъ надъ тобой мое благословенье,
Самъ Богъ тебя ведетъ, дитя мое,—иди!

(Обнимаетъ ее и уходитъ направо. Слышно блеянье стада. Оно все удаляется и, наконецъ, совсѣмъ стихаетъ).

Ореада.—*(подходитъ къ хижинѣ и падаетъ на колѣни).*
О! переполнилась моихъ страданій мѣра...
Я невозможнаго желаю и молю,—
Мнѣ дверь свою открой, услышь меня, Изера,
Пойми мою печаль, пойми, какъ я люблю!

(Дверь хижины отворяется, и на порогѣ показывается Изера).

Изера.—Я за тобой давно, дитя мое, слѣдила:
Вся въ бѣломъ серебрясь, съ головкой золотой,
Ты по горамъ ко мнѣ, какъ облачко, скользила,
И, какъ туманъ, старикъ шелъ слѣдомъ за тобой.
Ты все повѣдай мнѣ, я выслушать готова,—
Чего ты требуешь? Я дамъ все, что могу.
Тебѣ старикъ сказалъ, что я съ людьми сурова,
Что безучастно я стою на берегу,
Надъ мутною волной ревущаго потока,

И не хочу руки несчастнымъ протянуть,
Тѣмъ... утопающимъ. Повѣрь, я не жестока,
Лишь ясно вижу я, кто долженъ утонуть.
Но ты—не робкая и борешься съ волною,
Руками слабыми умѣешь ты грести.
Въ челнѣ ты не одна; скажи мнѣ, кто съ тобою?
Кого, любимаго, такъ хочешь ты спасти?

Ореада.—Я не одна, за мной идетъ Альдоръ несчастный.
Пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ утратилъ свѣтъ...
Но путь, мой избранный, ужели путь напрасный,
Ужели на землѣ ему спасенья нѣтъ!?

Изера.—Дитя, повѣдай, какъ его ты полюбила?

Ореада.—Не полюбить его тогда я не могла:
Въ его душѣ была сіяющая сила,
Она меня къ себѣ манила и влекла,
Какъ радуетъ, зоветъ порою рѣчь родная,
Вдругъ прозвучавшая въ далекой сторонѣ,
О лучшихъ временахъ легенда золотая
Иль пѣснь любимая въ вечерней тишинѣ.
Я помню гордый взглядъ, движенья, голосъ страстный,
Когда онъ о своихъ картинахъ говорилъ...
Онъ съ жизни предо мной сорвалъ покровъ неясный
И духъ дремавшій мой восторгомъ пробудилъ.

Изера.—И онъ любилъ тебя?

Ореада.—Онъ полюбилъ другую,
Но я ему тогда еще нужна была:
Для храма онъ писалъ съ меня одну святую.
Когда окончилъ онъ,—я отъ него ушла.

Бродила долго я, вездѣ ища покоя,
Трудясь и день и ночь, чтобъ заработать хлѣбъ,
Когда изъ города пришло извѣстье злое:
Прославленный Альдоръ—художникъ—вдругъ ослѣпъ.
Я не пошла къ нему: вѣдь съ нимъ была другая,
Любимая; вокругъ—всегда толпа друзей,
А я, забытая, измученная, злая,—
Что дать ему могла?.. Прошло не мало дней,—
Иная вѣсть меня случайно поразила:
Онъ, всѣми брошенный, озлобленный, больной,
Жилъ въ одиночествѣ. Къ нему я поспѣшила
И въ домъ его взошла съ вечернею зарей.
Съ тѣхъ поръ прошло пять лѣтъ; я думала сначала,
Что исцѣлить его помогутъ мнѣ врачи, —
Его водила къ нимъ, но скоро увидала,
Что шлетъ наука ихъ лишь робкіе лучи,
Не освѣщая путь среди глубокой ночи,
Что правда мимо нихъ проходитъ стороной,
Что ослѣпленные—не отверзаютъ очи,
Что я должна найти къ спасенью путь иной.
Вчера я о тебѣ случайно услыхала,
И поняла, что ты спасешь его одна...
Вотъ исповѣдь моя, я все тебѣ сказала
И предъ тобой душа моя обнажена.

Изера.—Дитя, ты знаешь ли, что жажда въ этой жизни
Великихъ подвиговъ и небывалыхъ дѣлъ,—
Все это лишь тоска по неземной отчизнѣ,
Желанье перейти за роковой предѣлъ?
Для множества людей вся жизнь—лишь сонъ неясный,
И, какъ въ бреду, они привыкли повторять
Слова великія, но сердце безучастно,
Не бьется въ слѣдъ словамъ... ихъ жребій—исчезать.

Другіе люди есть: ихъ правда увлекаетъ
И смѣлости огонь порою въ нихъ горитъ,
Но силы нѣтъ въ душѣ, и пламя угасаетъ,
И долгій подвигъ ихъ смущаетъ и страшитъ.
Виновна ль я была, когда судила строго
Ихъ рѣчи смѣлыя, ихъ робкія сердца?..
Но ты ко мнѣ пришла, ужъ совершивши много,
Тебѣ я помогу быть смѣлой до конца.
Вѣдь другу своему ты каждое мгновенье
Дарила ту любовь, которой выше нѣтъ.
Тебя не понялъ онъ, но скоро ослѣпленье
Пройдетъ, и онъ душой увидитъ вѣчный свѣтъ.
Что жъ ты молчишь, дитя? Ты мною не довольна?
Зачѣмъ въ смущеніи ты потупляешь взоръ?
О чемъ же плачешь ты? Отвѣть!

Ореада.—О, какъ мнѣ больно!..
Ужель всю жизнь слѣпымъ останется Альдоръ!
Ты мнѣ его любовь, Изера, обѣщаешь,
Но развѣ я молю о счастьѣ для себя?
Лишенный творчества!.. О, ты его не знаешь...
Какъ! жить ему слѣпымъ, одну меня любя?!.

(Рыдаетъ).

Изера.—О, перестань, дитя! тебя я искушала,—
Утѣшься: подвигъ твой прекраснѣй и труднѣй;
Ты чашу горести по каплѣ выпивала...
На днѣ осадокъ есть... все выпей—и разбей!
Одни явленія—другія порождаютъ:
Свѣтъ – вызываетъ тьму, землѣ сіяетъ твердь,
И жизнію людей двѣ силы управляютъ,—
Ты знаешь имя ихъ?

Ореада.—О да! Любовь и смерть.

Изера.—Ты первую изъ нихъ извѣдала донынѣ,
Вторая—ждетъ тебя... За дальнею горой,
Какъ уголекъ въ золѣ, среди сѣдой пустыни
Алѣетъ на камняхъ цвѣтокъ. Едва слѣпой
Приникнетъ къ лепесткамъ померкшими очами,
Какъ вновь увидитъ свѣтъ; но на корняхъ цвѣтка
Течетъ смертельный ядъ, и жгучими струями
Проникнетъ онъ въ того, чья смѣлая рука
Изъ щели каменной достать цвѣтокъ рѣшится,
Полъдня онъ проживетъ въ мучительномъ бреду...

Ореада.—О, не пугай меня!.. Альдоръ теперь томится,
Проснулся...

Изера.—За цвѣткомъ идешь ли ты?

Ореада.—Иду.

КАРТИНА III.

Пустынная мѣстность. Ночь. Надвигается гроза. Ореада входитъ.

Ореада.—Цѣлый день по камнямъ раскаленнымъ я шла,
И горѣли усталыя ноги;
Я не знаю дороги,
Я цвѣтка не нашла.
Мнѣ колючій кустарникъ одежду терзалъ
И потоки на встрѣчу ревѣли,
Но стремилась я къ цѣли...
Ужъ закатъ догоралъ...
И сѣдая пустыня легла предо мной—
Здѣсь цвѣтокъ, мнѣ Изера сказала.
Но я тщетно искала...
Надъ померкшей землей

Въ душномъ воздухѣ крадется тихо гроза
И сплетаются тѣни ночныя,
Мнѣ видѣнья больныя
Застилаютъ глаза.

(Ложится въ изнеможеніи на землю)

Вдали чуть слышенъ грома ропотъ,
Но тихо надо мной,
И только вѣтра легкій шопотъ
Звучитъ въ тиши ночной.

(Порывъ вѣтра)

Вѣтеръ.—Рожденъ я грозовою тучей,
Ея предвѣстникъ я.
Вдали ты слышишь стонъ могучій—
Она идетъ, и прахъ горючій
Я сыплю на тебя.

(Сверкаетъ молнія).

Молнія.—Стрѣлою острой, искривленной
Я рву небесный сводъ;
Моимъ сверканьемъ ослѣпленный,
Поникнетъ духъ твой побѣжденный...
Гроза, гроза идетъ.

(Ударъ грома).

Громъ.—Меня зоветъ гроза сѣдая,
И, въ мрачныхъ небесахъ
Гремя отъ края и до края,
Я надъ тобою разсыпаю
Проклятія и страхъ.

(Начинаетъ идти дождь).

Дождь.—И легкій шумъ, и освѣженье
Я приношу съ собой.

Близка минута примиренья,
И льются слезы сожалѣнья
Во мракѣ надъ тобой.

(Гроза удаляется. Ореада встаетъ, шатаясь).

Ореада.—Я не могу идти, мнѣ силы измѣнили.
Кругомъ туманъ и мракъ, разсвѣтъ еще далекъ...
О, души всѣхъ людей, которые любили,
Вы укажите мнѣ, гдѣ роковой цвѣтокъ!

Дѣлаетъ съ усиліемъ нѣсколько шаговъ. Пробѣгаетъ вѣтеръ и разрываетъ тучи. Выплываетъ луна. Изъ мрака выступаютъ скалы и камни. На одномъ изъ нихъ темнѣетъ цвѣтокъ.

Ореада.—Я вижу... это онъ! хоть цвѣтъ его кровавый
И меркнетъ при лунѣ, онъ... средь безплодныхъ скалъ
Одинъ... Благодарю тебя, о, Боже правый!
Ты души свѣтлыя на помощь мнѣ послалъ.

(Приближается къ цвѣтку).

Какъ сильно напоенъ онъ влагой дождевою,
Какой томительный и сладкій ароматъ!..
Одинъ послѣдній шагъ, и я прощусь съ землею,
И все окончено, и нѣтъ пути назадъ.

(Протягиваетъ руку къ цвѣтку.)

Какъ лапы паука, изъ щели выползаетъ
Безчисленныхъ корней запутанная сѣть,
И нѣтъ стебля: цвѣтокъ изъ корня выростаетъ...
Зачѣмъ же медлю я?.. сорвать и умереть!
Альдоръ... онъ ждетъ меня онъ слушаетъ тревожно,
Быть можетъ, понялъ все, и любитъ, и зоветъ...
И умереть теперь!.. безумно, невозможно...
О! умереть теперь, когда любовь живетъ!

Я возвращусь къ нему, какъ нѣжной повиликой,
Любовью я его страданья обовью...
Зачѣмъ я здѣсь одна? Средь тьмы, въ пустынѣ дикой!
Какъ думать я могла, что я себя убью!...

(Хочетъ уйти. Въ скалахъ вздыхаетъ ночной вѣтеръ. Слышно паденіе дождевыхъ капель. Скалы, освѣщенныя луной, отбрасываютъ причудливыя тѣни).

Ореада.—Чьи вздохи слышу я, чьихъ словъ невнятный шопотъ?
Душѣ измученной что говорятъ они?
Порою въ нихъ звучатъ упреки, тихій ропотъ...
Чьи призраки встаютъ тамъ подъ скалой, въ тѣни?
О! я узнала васъ, мечты и сны Альдора,
Невоплощенныя, погибшія мечты!
И жизни ищете, и молите простора
Вы, нерасцвѣтшіе, убитые цвѣты!
О, не глядите такъ съ упрекомъ и мольбою...
Чтобъ не погибнуть вновь, возьмите жизнь мою!..
Цвѣтокъ, я рву тебя безтрепетной рукою
И передъ вѣчностью стою!

КАРТИНА IV.

Та же мѣстность, что въ первой картинѣ. Передъ пещерой сидитъ Альдоръ.

Альдоръ.—Ея все нѣтъ, и день такъ безконечно длится;
Кругомъ молчаніе и неподвижный зной;
Всѣ силы выпилъ онъ, всѣ мысли, и ложится
На сердце тяжкою и жаркою плитой...
Куда она ушла? Зачѣмъ? Меня впервые
Она оставила за пять послѣднихъ лѣтъ.

Невольно въ голову стучатся мысли злыя,
И подозрѣніе мнѣ шепчетъ злой отвѣтъ.
Всегда она со мной, всѣ дни и всѣ мгновенья,
Лишь руку протяну—и ужъ ея рука
Встрѣчается съ моей. Ея слова, движенья
Едва замѣтны мнѣ—такъ горная рѣка
Лепечетъ и поетъ, смѣется и рыдаетъ
Среди тревоги дня и въ тишинѣ ночей,
А тотъ, кто долго жилъ въ горахъ, не замѣчаетъ
Ни ропота ея, ни пѣсенъ, ни рѣчей.
Но еслибъ вдругъ замолкъ привычный смѣхъ и лепетъ,
Какъ испугала бы глухая тишина!
Такъ Ореады нѣтъ—и въ сердцѣ странный трепетъ...
Впервые чувствую, какъ мнѣ близка она!
Впервые за пять лѣтъ такъ ясно вспоминаю
Всю муку, что она пережила со мной:
Я въ озлобленіи порою раскрываю
Всѣ раны старыя, веду ее съ собой
Заглохшею тропой въ туманъ воспоминаній,
Я зрѣнье нахожу во мракѣ, какъ сова,
Влеку ее впередъ, со звуками стенаній
Сплетаю жаркія, безумныя слова,
Что говорила мнѣ когда-то та, другая,
Я жажду услыхать проклятіе, укоръ,—
Но нѣтъ, она молчитъ, молчитъ, не упрекая
И лишь порой вздохнетъ чуть слышно:—О, Альдоръ!..—

(Задумывается).

Съ какою нѣжностью она оберегаетъ
Мои завѣтныя погибшія мечты,
Имъ въ пѣсняхъ жизнь даетъ и съ вѣрой повторяетъ:
— Альдоръ, какъ хорошо все это скажешь ты,
Когда увидишь свѣтъ! Во мракѣ заключенный,
Всю жизни красоту сознаешь ты полнѣй,

И цѣлый міръ, еще тобой не воплощенный,
Изъ хаоса и тьмы возстанетъ для людей.—
Напрасныя слова, безумныя мечтанья,
Но вся любовь ея такъ ясно въ нихъ звучитъ..
Что слышу я вдали? То грома рокотанье
Спугнуло тишину... тамъ эхо говоритъ.
Въ лицо повѣялъ вздохъ измученной природы
И тяжелѣе вновь сомкнулась тишина...
А Ореады нѣтъ... Ужъ близость непогоды
Я чую; ночь идетъ угрюма и грозна.
Вотъ вѣтеръ простоналъ... Невольно обращаю
Слѣпыя очи я къ незримымъ небесамъ,
И молніи огонь, не видя, ощущаю...
Вотъ съ рѣзкимъ смѣхомъ громъ ударилъ по горамъ,
А Ореады нѣтъ... Тоскливая тревога
Трепещущей рукой сжимаетъ сердце мнѣ:
Опасна подъ грозой нагорная дорога
И молніи огонь страшнѣе въ вышинѣ!..
Вѣдь не могла меня оставить ты на вѣки,—
Я знаю, ты идешь безстрашно подъ грозой,
Вокругъ шумятъ ручьи, ревутъ, вздымаясь, рѣки,
И камни прочь скользятъ подъ легкою стопой.
Мнѣ страшно... шумъ дождя, ворчанье грома злое,
И вѣтра вой, и свистъ я слышу, какъ въ бреду,
Приди, мой свѣтлый другъ, забудемъ все былое!
Я побѣжденъ тобой, я жду тебя! я жду!

(Падаетъ на колѣни).

О, Боже праведный, забылъ я въ ослѣпленьѣ
Твой вѣчный свѣтъ,—прости, я умереть готовъ,
Прости меня и дай въ послѣднее мгновенье
Слѣпому услыхать любимый звукъ шаговъ!

(Приникаетъ къ землѣ.)

Я слушать не могу, мнѣ сердца стукъ мѣшаетъ,
И всхлипываетъ дождь, смолкая въ тишинѣ;
Вдали еще гроза затихшая вздыхаетъ...
Замри и не мѣшай, о, сердце, слушать мнѣ!

(Прислушивается).

Идетъ, она идетъ! И зрѣнья мнѣ не надо:
Какъ солнца лучъ, приникъ къ душѣ любимый взоръ
И стало въ ней свѣтло... приди же, Ореада!

(Входитъ Ореада. Она страшно блѣдна. Въ рукѣ она держитъ чашечку краснаго цвѣтка безъ корней).

Ореада.—Я здѣсь, я здѣсь, скорѣй, ко мнѣ о, мой Альдоръ!

(Альдоръ бросается къ ней и падаетъ передъ нею на колѣни. Она касается лепестками цвѣтка его глазъ. Онъ вскрикиваетъ).

Альдоръ.—Я умеръ!.. что это? Я вижу!.. предо мною
Ты, свѣтлая, стоишь, и мрака больше нѣтъ!
Луна, какъ ореолъ, сіяетъ за тобою...
О, какъ блаженна смерть, дарующая свѣтъ!..

Ореада.— Нѣтъ, смерть не для тебя; смертельный сокъ опасенъ
Лишь мнѣ, вѣдь я рукой всѣ корни сорвала.
Ихъ ядъ въ меня проникъ, но мой конецъ такъ ясенъ:
Я для тебя цвѣтокъ безъ яда принесла.

Альдоръ.—Безъ яда... для меня... цвѣтокъ... понять не смѣю!..
О, что ты сдѣлала! и какъ жестока ты,
Мнѣ возвративши свѣтъ!.. Все, что я вновь имѣю,
Я все отдамъ, лишь дай средь прежней темноты
Мнѣ объ руку съ тобой блуждать и дни, и годы.
О, не пугай меня... не мучь! Ты такъ блѣдна.
Но не отъ яда... нѣтъ... Скажи, средь непогоды

Былъ труденъ долгій путь, устала ты... больна?
Смотри, луна зашла, разсвѣтныя мгновенья
Все ближе къ намъ летятъ, позеленѣла твердь
И вѣетъ холодомъ... порой, зари рожденье,
Я помню, блѣдностью напоминаетъ смерть.

Ореада.—О, нѣтъ, любимый другъ, отъ истины напрасно
Испуганную мысль ты хочешь оградить:
Заря мнѣ смерть несетъ! Смерть, какъ заря, прекрасна...
Я совершила все, чтобъ могъ и ты свершить.

Альдоръ.—Будь проклятъ этотъ день! Безжалостной любовью
Ты мучаешь меня, какъ врагъ заклятый мой...
Лишь дьяволъ, къ твоему прильнувши изголовью,
Могъ нашептать въ бреду безумный подвигъ твой!

Ореада.—Альдоръ, Альдоръ! Зачѣмъ жестокими словами
Ты предразсвѣтную пугаешь тишину!..
Далекая звѣзда чуть теплится надъ нами
И скоро, какъ она, я въ небѣ утону.
Такъ выслушай меня въ послѣднія мгновенья,
Пойми, пойми, мой братъ, мой близкій, мой родной,
Мы вынести могли и горе, и мученья,
Но духъ смущается предъ вѣчной красотой.
Нашъ слабый умъ она пугаетъ и тревожитъ,—
Жизнь повседневная не вѣритъ чудесамъ,
Нездѣшней красоты земля вмѣстить не можетъ
И отдаетъ ее смиренно небесамъ.
Мы къ правдѣ шли съ тобой, и вотъ ужъ я у цѣли,
Мнѣ въ жизни мѣста нѣтъ, и время отдохнуть;
Мы вмѣстѣ совершить нашъ подвигъ не успѣли,
И въ творчествѣ твоемъ —твой одинокій путь!
Ты первый далъ мнѣ свѣтъ, онъ спасъ меня въ пустынѣ,
Когда я шла съ цвѣткомъ, онъ разгонялъ мой страхъ,—

Неси же этотъ свѣтъ безтрепетно отнынѣ
Всѣмъ плачущимъ во тьмѣ о дальнихъ небесахъ.

(Альдоръ рыдаетъ).

Завиденъ жребій мой, Альдоръ, я умираю,
Но для тебя всегда останусь я жива
И съ радостью землѣ земное возвращаю.
Не плачь, но сохрани въ душѣ мои слова
Послѣднія: вернись въ долину просвѣтленный
И въ жизни соверши смиренно подвигъ свой.
Лишь въ тихій часъ, когда сіяетъ, озаренный
Закатомъ, сводъ небесъ за снѣжною горой,
Сюда ты приходи, и знай—я не покину
Тебя ни здѣсь, ни тамъ... Съ тобой вездѣ... всегда...
Здѣсь будешь видѣть ты и горы, и долину...
Исчезла, погляди, послѣдняя звѣзда...
Всѣ тучи разошлись... Дождусь ли я разсвѣта?..
Мнѣ тяжко, милый мой, мнѣ душно... я горю!..
Темно... но ты, Альдоръ, ты видишь?.. свѣта, свѣта!..
Дай встрѣтить мнѣ съ тобой послѣднюю зарю!..

(Шатается. Альдоръ поддерживаетъ ее и кладетъ на землю. Начинаетъ свѣтать.

Орелда—*(не выпуская изъ рукъ цвѣтка, съ закрытыми глазами, въ бреду).*

Онъ шелъ со знаменемъ въ рукахъ
Впередъ, на поле битвы...
Склонившись надо мной въ слезахъ,
Альдоръ шепталъ молитвы...
О, бѣлый ангелъ, ты мнѣ спой!
Я—лучше не умѣю...
Альдоръ такъ любитъ голосъ мой...
Смотри,—обвили шею
Мнѣ корни краснаго цвѣтка

Во тьмѣ послѣдней ночи...
Альдоръ, о, пусть твоя рука
И мнѣ раскроетъ очи!..

(Восходитъ солнце. Ореада открываетъ глаза).

Ореада.—Любовь сильнѣй, чѣмъ смерти страхъ,
Свѣтла моя дорога,
И я иду съ цвѣткомъ въ рукахъ
Туда, къ престолу Бога.

19-го апрѣля 1900 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Иней	3
Рисунки	5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19
Въ сумеркахъ	21
День умеръ	23
Счастья нѣтъ	25
Изъ Виктора Гюго	27
Рисунокъ	29
Вѣтеръ коснулся кустовъ обнаженныхъ	31
Рисунокъ	33
Въ склепѣ	35
Смерти	37
Я сбросить хотѣлъ роковую неволю мученій	39
Легкій вѣтеръ ночной	41
Молчатъ въ отвѣтъ зарѣ прощальной	43
Колокольчикъ	45
Зимнею дорогой	47
Въ окно глядится сумракъ предразсвѣтный	49
Рисунокъ	51
Петербургъ	53
Одуванчики	55
Рисунокъ	57
Неизбѣжное	59

стр.

Вечерняя заря 61
Я не зову тебя 63
Осенью 65
Рисунокъ 67
Слова 69
Рисунокъ 71
Вчера такъ ярко мѣсяцъ новый 73
Безсонница 75
Колеи мягко стелятся пыльныя 77
Рисунокъ 79
Мы пѣли солнцу 81
Еще вчера весь день 83
Я пришелъ не затѣмъ, чтобъ тебя упрекать 85
Къ ночи 87
Чѣмъ печальнѣй и чѣмъ безнадежнѣе 89
Въ мертвый часъ душевной лѣни 91
На бѣломъ камнѣ ангелъ бѣлый 93
Елка 95
Незамѣтно въ окно заглянула луна 97
Весной 99
Помнишь, мы надъ тихою рѣкою 100
У замершаго окна 101
Снѣгъ 102
Снѣжнымъ облакомъ летѣли 103
Что-то страшно чернѣетъ въ углу 104
Старый домъ 105
Спитъ рѣка въ бреду своихъ тумановъ 106
Море любитъ землю 107
Тамъ далеко въ синемъ морѣ 108
Истина 109
Въ туманѣ 111
Сегодня мы въ туманѣ шли 112

стр.
Въ часъ ночи поздній и ненастный 113
Домà 114
Въ Дарьялѣ 115
Мутнѣютъ огни фонарей 116
Въ зимнюю ночь 117
Бѣлая сирень 118
Дождь 119
Мотылекъ 120
Солнце нижетъ листья изумрудные 121
Надо мной пылали звѣзды 122
Мы живемъ и мертвѣемъ 123
Полдневная тайна 124
Тайна смерти 125
Сосны сухія и ели мохнатыя черныя 126
Слѣпой 129

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

СТИХОТВОРЕНІЯ, съ виньетками. Цѣна 1 р.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

въ Московскомъ книжномъ магазинѣ „Трудъ“
(С.-Петербургъ, Невскій, 60. Москва, Тверская, 38).

Цѣна 2 руб.